

№ 57

Ноябрь 1962 год

ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своих
дорогих сотрудников

капитана графа Георгия Павловича БЕННИГСЕН

и

ротмистра Дмитрия Петровича КОВАЛЕВСКОГО

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Землепроходцы — Мария Волкова	1
«Военная Быль» 1952-1962 — Алексей Геринг	2
Вержболовская группа и гибель XX-го арм. корпуса — В. Кочубей	3
Гри сражения — С. Андоленко	17
Из прошлого Кавалергардов — В. Н. Звегинцов	20
Отец Федор — Колыванец	21
Из эмигрантских встреч — Глеб Байков	23
В Орловском Бахтина корпусе — Е. А. Милоданович (оконч.)	25
Из воспоминаний старого улана — П. С. Бассен-Шпиллер	27
Давно это было — Старый Гусар	29
На маневрах — А. П.	30
Лейб-гвардии Литовский полк — полк. Акимов	31
Павловцы в Великую Войну. Ломжа — А. Редькин	32
Нагрудные медали за победу при Гангуте — Владим. фон-Рихтер	33
Кокарда — Е. Молло	38
Гибель 2-го батальона Симферопольского офицерского полка — В. Альмендингер	40
Обзор военной печати — Н. Н. Р. и А. Л.	43
В защиту исторической правды — Б. Николаев	44
От редакции	45
Хроника «Военной Были»	45
Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — Алексей Геринг (продол.)	47

Изменение правил подписки:

Подписка принимается на **ШЕСТЬ** номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. на **ШЕСТЬ** номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:

61, rue Cardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

11-й год издания

№ 57 НОЯБРЬ 1962 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 NF

Землепроходцы

Закрыв глаза, я вижу их
В угрюмых шрамах боевых, —
Таких могучих и суровых...
Их поступь звонко тяжела,
На блбу забота залегла,
Но ищет взгляд просторов новых...
Силен и верен взмах руки,
Прямые плечи широки,
Скупы слова, улыбки редки.
Всяки с ног до головы —
Они все были таковы
Во тьме исчезнувшие предки!
За доблесть дел, за горечь ран
Им песен не слагал баян:
Их славный путь прошел украдкой.
Лишь в старой записи, порой,
Про подвиг чей-нибудь лихой
Расскажут сдержанно и кратко...
Манил Восток... Сияли льды...
Влекли звериные следы
В тайге загадочно-дремучей...
В засадах ждал раскосый враг...
Но шли они — за шагом шаг —
Ничем неотвратимой тучей!
С равнин родного Иртыша
Все дальше, дальше, не спеша,
По диким станам, без дороги,
Несли победу казаки, —
И выросли городки,
И мрачно щерились остроги.
В забытых малых крепостцах,
Преодолевши женский страх,
Казачки век свой коротали.
Глубоко прятали печаль,
Мужей напутствовали в даль
И — не дождавшись — умирали...
У тех была прямая цель:
Искать невиданных земель,
Терпеть тоску полярной ночи,

Блуждать где не был человек,
И к берегам сибирских рек
Влачить дощаники и кочи.
Застывших мамонтов стада
Они встречали иногда
В печальном неживом просторе.
И колыhalo смельчаков,
Средь грозно наплывавших льдов,
Студеное седое море...
Чутьем весенних птичьих стай
Нашли они Даурский край,
Где виноград обнялся с дубом.
И шелк амурских соболей
В подарок слали — для Царей —
С тысячелетним «рыбьим зубом».
Был туг и медлен ход веков.
И вот руками казаков
Разрушен заговор природы.
И грудь нетронутой земли,
Что тишь с безлюдьем берегли,
Одели ласковые всходы.
Давно покорны дикари,
Везде, куда ни посмотри,
Все тонет в сытости и мире.
И медный православный звон
Гудит, летит со всех сторон
По русской ставшее Сибири!
Прекрасна юная страна,
Глядит в грядущее она,
Но сказ времен о ней неведом.
Ее узнать и впрямь и вкось
Лишь в трех столетях удалось
Моим неутомимым дедам!
Они стреляли, хмурия бровь,
В несчетных стычках лили кровь,
Они рождались чтоб бороться
И в строгой ревности своей
Обогатили трон царей
Безвестные землепроходцы!

Мария Волкова

«Казачий Альманах».

« Военная Быль »

1952 - 1962

Со следующего номера, наш журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» вступает в двенадцатый год своего существования.

Я не буду повторять всей длинной и, временами, трудной истории его создания и существования — пред нами результат одиннадцатилетней общей нашей работы. Журнал дошел до своего возможного предела — 48 страниц, украсился иллюстрациями, регулярно выходит шесть раз в год, без каких-либо субсидий или посторонней помощи, материально твердо стоит на ногах и мы можем, сравнительно, спокойно смотреть в будущее.

Не могу здесь обойти молчанием роли Обще-Кадетского Объединения во Франции, которое дало мне возможность основать этот журнал. Своей подпиской и покупкой номеров, кадеты Объединения поддерживали его в первые, самые тяжелые, годы его существования и, по сей день, продолжают мне оказывать свое постоянное дружеское содействие, как подпиской так и неизменной моральной поддержкой.

Итак, ОДНА ЗАДАЧА выполнена — журнал создан и имеет свое распространение почти во всех странах мира.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз обратиться с особой сердечной благодарностью ко всем нашим талантливым сотрудникам. Все они отчетливо поняли огромное значение печатания нигде неопубликованных материалов по нашей военной истории для будущих историков и воспитания новых, подрастающих поколений нашего великого народа и совершенно безкорыстно, во имя одной идеи служения своему Отечеству, протянули мне руку помощи и вот уже одиннадцать лет заполняют страницы журнала прекрасным историческим и литературным материалом.

Низкий поклон всем живущим и продолжающим нашу общую работу, вечная память всем, покинувшим наши ряды за эти, протекавшие одиннадцать лет.

Теперь, перед нами встает — ВТОРАЯ ЗАДАЧА: все время, непрерывно редакционные папки журнала заполняются вновь поступающим материалом который НЕОБХОДИМО напечатать. Годы идут, все мы не так уж моло-

ды и где-то, уже близко, неумолимый конец поджидает каждого из нас. Что будет если мы не исполним своей задачи, не выполним своего долга? Что будет если все это не будет напечатано? Нужно ВСЕГДА твердо помнить что мы — ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ огромного исторического периода жизни нашего Отечества и СМЕНЫ НАМ НЕТ... Никто не может заменить нас на этом посту... Так-же как нет у нас и права на отдых, в деле служения Российской Государственности, которое мы ведем, иной раз и сверх своих сил. Отсюда вывод — военно-исторический журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» должен ВЫХОДИТЬ ЧАЩЕ. Но, есть некий предел физическим силам человека, потому я, редактор этого издания, не могу взять на себя ОБЯЗАТЕЛЬСТВА что с 1 января журнал будет выходить, скажем, ежемесячно.

Посему, я извещаю всех наших верных подписчиков и друзей что с начала 1963 года изменятся условия подписки. В виду того что журнал будет выходить несколько чаще чем каждые два месяца, подписка будет приниматься не на год, как прежде, а на ШЕСТЬ НОМЕРОВ, начиная с № 58.

Подписная плата остается та-же, то-есть:
зона франка — 15 фр. фр. — шесть номеров
зона фунта — 25 шил. — шесть номеров
зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. — шесть номеров.

Цена на отдельный номер остается также прежняя: соответственно 2 фр. 50 сант., 5 шил. и 80 амер. цент.

Усилие этобу дет стоить большого труда как техническому персоналу, так, в особенности, редактору журнала, потому они с уверенностью рассчитывают что оно будет понято нашими верными подписчиками, читателями, которые сделают, со своей стороны, все возможное чтобы увеличить свой круг. Если каждый из наших друзей сможет найти еще одного подписчика — это уже будет большая помощь для журнала. Этим своим небольшим усилием, каждый из наших друзей-читателей внесет и свою часть работы в наше служение, в нашу работу во славу Великого нашего Отечества-России.

Алексей ГЕРИНГ

« Вержболовская группа » и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах

Хочется мне тут поделиться с читателями «Военной Были» своими критическими размышлениями о тех грубейших (с чисто военной точки зрения), ошибках и упущениях со стороны некоторых чинов высшего командования, которые не только допустили окружение и пленение нашего XX Арм. Корпуса в начале февраля 1915 г. в Августовских лесах, но даже, своими мероприятиями или образом действий, как бы способствовали тому, что эта печальная для нас катастрофа вообще могла произойти.

Мне кажется, что после долголетнего тщательного изучения вероятно всех существующих доступных источников обоих воевавших тогда сторон, а также будучи лично достаточно знакомым с местностью, в которой произошла тогда эта трагедия, я в праве подать, по этому вопросу, мой голос.

С самого начала войны в 1914 г. русская Императорская армия понесла на германском фронте целый ряд чрезвычайно крупных неудач, тяжело отразившихся не только на самой армии, но и на всей стране. Постигшая же ее новая неудача — гибель нашего XX Армейского Корпуса в Августовских лесах, в начале февраля 1915 г., — нанесла нашей армии, кроме того, еще и громаднейший моральный удар, так как показала, что наши неудачи на фронте возникают в значительной степени из-за полной несостоятельности высшего командного состава нашей армии, совершенно неподготовленного к войне и, даже, ничему ненаучившемуся после наших предыдущих поражений.

Действительно, теперь не было больше предлога для оправданий, что, уступая настойчивым требованиям союзников притти им на помощь, наши армии, не будучи еще готовыми, были двинуты в самом начале войны в, так печально кончившуюся для нас, восточно-прусскую авантюру. Если же дошло теперь до окружения и гибели почти что четырех дивизий, входивших тогда в состав XX Арм. Корпуса, то случилось это главным образом только благодаря непростительным, грубейшим ошибкам, граничащим с полнейшим невежеством в маневрировании войсками на войне со стороны главнокомандующего северо-западным фронтом ген. Рузского, отчасти также командующего нашей 10-ой армией ген. Сиверса и их ближайших помощников, а также некоторых других высших начальников из состава этой нашей армии. При наличии лучшего понима-

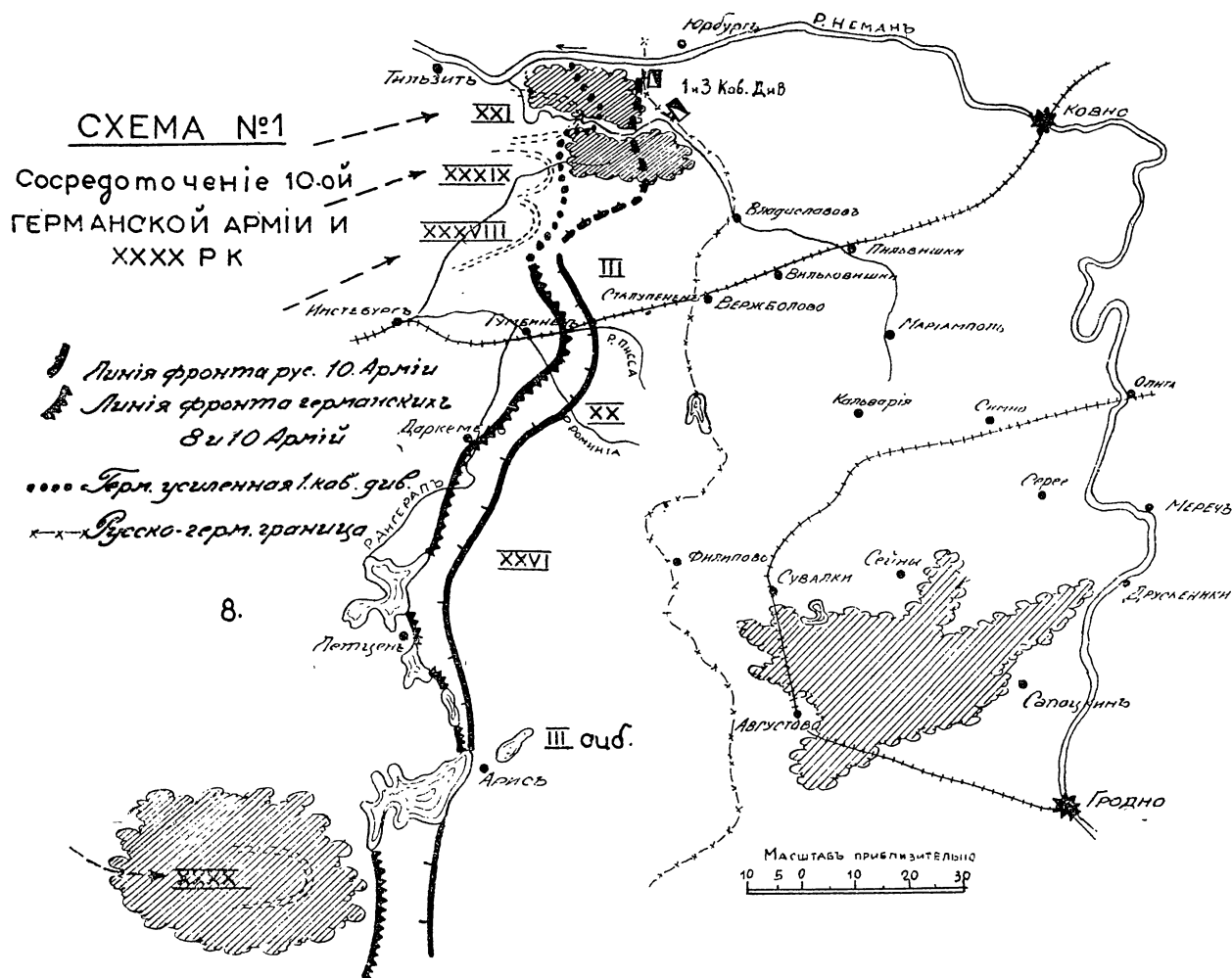
ния обстановки, более целесообразного распределения войск, более обдуманного и эластичного управления таковыми, до этой катастрофы дело никогда не дошло бы. Все это станет ясным читателю при рассмотрении хотя бы только некоторых из совершенных вышеупомянутых лицами грубейших ошибок.

В результате, начавшегося в первой половине сентября 1914 г., вытеснения действиями наших 1-ой и 10-ой армий вторгнувшихся в Сувальскую губернию войск 8-й германской армии, часть которых доходила даже до самого Немана, наши войска обоих вышеупомянутых армий, следуя за отступающим с боями противником, дошли до границы Восточной Пруссии. В это время в состав обеих этих наших армий входило 27 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, которым немцы могли противопоставить всего лишь 9 пехотных и 1 кав. дивизии.

Здесь, на границе Восточной Пруссии, германская 8-я армия пыталась задержать наши армии, вследствие чего завязались, между Владиславом на севере и Граевом на юге, упорные и тяжелые местные бои, с переменным успехом, затянувшиеся до конца сентября.

27-го сентября ген. Рузский, обеспокоенный наступлением германской 9-ой армии на Варшаву, приказал вдруг немедленно же приостановить все наши наступательные действия на восточно-прусском участке фронта. Тут, между прочим, интересно отметить, что этим своим приказанием ген. Рузский помешал доведению до конца значительного успеха, достигнутого в те дни на самом левом фланге нашей 10-ой армии, которая серьезно угрожала в те дни тылу германской 8-ой армии. Дело в том, что к этому времени наш 1-ый Туркестанский корпус дошел до г. Лык, а наша 4-ая кавалерийская дивизия до г. Арис, зайдя таким образом глубоко за правый фланг этой германской армии.

Лучшим доказательством этого непростительного упущения, со стороны ген. Рузского, является то, что об этом сообщает германская официальная история войны (Рейхсархив «Война 1914-18», том 5-ый); «... следовало бы им (1 Турк. Арм. Корпусу и 4-ой кавал. дивизии) только продолжать свое продвижение на север, чтобы войти между незанятой нами тыловой озерной позицией (Мазурские озера) и нашим фронтом, выходя в тыл последнего. Такое их продвижение вперед, привлекая к этому

еще также и (находящийся поблизости) VI Армейский Корпус, иначе говоря, пятью дивизиями, не встретило бы с нашей стороны необходимого сопротивления (из-за недостатка резервов). Нерешительность же (и отсутствие правильной оценки обстановки) русского командования (ген. Рузского) спасло в эти тяжелые для нас дни нашу 8-ю армию от большого несчастья...» (в скобках разъяснения автора статьи).

Между тем, развитие операций в Польше заставило русское верховное командование последовательно забирать из состава 1-ой и 10-ой армий отдельные корпуса и дивизии, перебрасывая их туда. Однако, ввиду огромного численного превосходства наших сил, находящихся против германской 8-ой армии, уход этих корпусов и дивизий на дальнейшем развитии операций на этом участке фронта не отразился.

Наоборот, 20-го октября германская 8-ая армия начала свой отход на укрепленную позицию по линии Мазурских озер и реки Ангерапп.

Ввиду же того, что русское верховное командование продолжало тревожиться за фронт в Польше, решено было оставить на восточно-прусском участке пока что как можно меньше войск, объединяя их управлением 10-й армии, перебрасывая в Польшу еще целый ряд корпусов и дивизий, а также и штаб I-ой армии.

Следуя за отступающими немцами, наша 10-ая армия подошла вплотную к новой позиции, занятой германской 8-й армией. Этот отход немцев дал русским войскам возможность вторично войти в глубь Восточной Пруссии, на этот раз в среднем всего лишь только на 35-40 верст.

Теперь, против Ангераппской позиции немцев, в нашей 10-й армии, растянувшейся на це-

лых 175 верст, оставалось всего лишь только 13 пехотных и 2 1/2 кавалерийских дивизий, против которых немцы, перебросив отсюда в Польшу также несколько дивизий имели всего лишь 6 пехотных (1 полевую, 1 резервную и 4 ладверных) и 1 кав. дивизий.

Зная слабость германской 8-ой армии, русское командование рассчитывало заставить немцев отойти от Ангераппской позиции вглубь Восточной Пруссии. Однако, так как все наши попытки прорвать тут германский фронт положительных результатов не дали, ген. Рузский решил отложить эти атаки до позднейшего времени, когда удастся сочетать действия нашей 10-ой армии с таковыми 12-й, которая должна была начать свое формирование в северной Польше.

Тут интересно отметить, что ген. Рузский задумал повторить операцию начала войны — так печально тогда окончившееся вторжение наших 1-й и 2-й армий в Восточн. Пруссию, — с той только разницей, что теперь условия такой операции были бы еще менее благоприятны для него, чем тогда. Повидимому, ни он, ни его правая рука — генерал-квартирмейстер, печальной памяти Бонч-Бруевич, не были способны выдумать какую либо иную, новую комбинацию для нанесения немцам удара. Они судорожно хватались за уже готовый, выработанный задолго перед войной Главным Управлением Генерального Штаба, план вторжения в Вост. Пруссию. Факт же, что этот план оказался трудно осуществимым, мало их тревожил. Что вышло бы из такой попытки с негодными средствами? Над этим они не задумывались. Эта «*idée fixe*» бездарного военачальника красной нитью проходила через большинство его мероприятий во время надвигавшейся тогда новой катастрофы, на этот раз с нашей 10-ой армией, и парализовала, без того уже весьма ограниченное, его оперативное мышление.

Возвратимся теперь к событиям, предшествовавшим операции, закончившейся пленением нашего XX Арм. Корпуса и отходом 10-й армии за Неман и Бобр.

Как мы уже видели, к концу 1914 г. наш фронт против Вост. Пруссии был ослаблен более чем на половину его первоначального состава. Вытянувшись в длинную жидкую струнку, занимал он теперь, против Ангераппской позиции германской 8-ой армии, непомерно длинный для своих сил участок. Причем, надо тут особенно подчеркнуть совершенно недопустимый с тактической точки зрения факт; оба фланга этой нашей 10-ой армии не только не были обеспечены, но опирались даже о занятые, тогда еще только слабыми силами противника, огромные лесные пространства. Пока, эти леса можно было еще захватить без большого усиления и, занимая их, обеспечить таким обра-

зом фланги армии, — но абсолютно ничего не было сделано.

А после того как, в начале 1915 г., из состава этой нашей армии был изъят еще и XXII Арм. Корпус, перебросенный в Карпаты, в ее состав входило теперь всего лишь только 11 пех. (из них 6 второочередных) и 2 1/2 кав. дивизий. Принимая во внимание, что некомплект в личном составе пехотной дивизии составлял в то время в среднем 40 проц., то есть в 11 дивизиях было разом на фронте всего только 120.000 штыков, будет ясным, что этот 175-верстный участок фронта был нами весьма слабо занят. К этому необходимо еще добавить, что ни армия, ни корпуса не располагали абсолютно никакими резервами на всем этом широко растянутом фронте. Единственно, что предпринял командарм, для более удобного управления армией, на этом непомерно широком фронте, он поделил армию на группы. Правый фланг армии составляла так называемая «Вержболовская группа» — III Арм. Корп. генерала Епанчина, кадровые дивизии которого были заменены двумя второочередными — 56-й и 73-й, а также оставалось там еще несколько батальонов 27-й дивизии. Кроме того, этой группе временно был подчинен конный отряд ген. Леонтовича на самом крайнем правом фланге армии в составе частей 1-й и 3-й кав. дивизий. В центре расположения армии находилась группа XX Арм. Корп. ген. Булгакова в составе частей 27-й, 28-й, 29-й и 53-й пех. дивизий. Наконец, левый фланг армии составляла группа ген. Радкевича, командира III Сибирского Арм. Корп. Она состояла из XXVI А. К. и 57 пех. див.

Зная, что и состав, находящейся против этой нашей армии, германской 8-й, был в то время также слаб, наше командование совершенно не беспокоилось слабым составом нашей армии, а также ее опасным расположением, считая, что ее силы достаточны, чтобы противостоять этой немецкой армии. Но это наше командование, в своей близорукости, совершенно забывало, что за фронтом этой 8-й армии была широко развитая железно-дорожная сеть, позволявшая немцам в самый короткий срок сосредоточить против каждого участка нашей позиции подавляющие силы так, как они это сделали с нашей 2-й армией в начале войны. За нашим же фронтом, кроме магистрали Ковно-Вержболово-Инстербург, на правом фланге и одноколейной, малопровозоспособной круговой линии: Гродно - Августово - Сувалки - Олита, не было ничего больше. Этим же нашим командованием совершенно не дооценивалось и то обстоятельство, что, пользуясь лесными пространствами, на обоих флангах нашей 10-й армии противник имел возможность сосредоточить, незаметно для нас, крупные силы и именно оттуда произвести свой из-

любленный, уже столько раз проводимый им в жизнь от начала войны, маневр охвата и окружения обоих флангов.

Только уже во второй половине января 1915 г., когда начали доходить кой-какие неопределенные, еще не проверенные, слухи об усилении неприятеля на флангах нашей 10-й армии, ген. Рузский вдруг как бы спохватился и приказал командиру 10-й армии занять хотя бы только на правом фланге армии Лесдененские леса. Но это был с его стороны всего лишь только жест без всякого значения, так как необходимых для этого сил Рузский не предоставил. А так как командир 10-й армии ген. Сиверс не имел никаких резервов, ни армейских, ни корпусных, то силы, которые направил он к Ласдененским лесам, для этого растягивая еще больше уже без того жидкий фронт, были слишком слабы, чтобы быть в состоянии выполнить это задание. Кроме этой попытки с негодными средствами, ничего не было больше предпринято для занятия этих лесов.

Также мало тревожило наше легкомысленное командование и то обстоятельство, что именно на флангах армий, опирающихся в эти занятые противников лесные пространства, были расположены с нашей стороны только второчередные дивизии. Такое же расположение этих дивизий произошло опять таки благодаря необдуманному и неразумному педантизму главнокомандующего фронтом и командарма. Дело в том, что далеко в тылу за флангами нашей 10-й армии находились две крепости. А эти дивизии считались гарнизонами этих крепостей, как бы только данными в займы командарму для усиления длиннейшего фронта армии. В 60 верстах за левым флангом находилась крепость Осовец, а 57-я пех. дивизия, расположенная на самом левом фланге, считалась гарнизоном этой крепости. Опять таки, в 100 верстах за правым флангом была крепость Ковно и ее гарнизон 56-я и 73-я пех. дивизии, объединенные управлением III-го Арм. Кор., составляли правый фланг армии. Эти фланговые дивизии должны были, в случае вызванного какими либо непредвиденными обстоятельствами отхода армии, **не взирая ни на что**, отходить в свои крепости.

Интересно остановиться на этом факте, так характерном для нашего высшего командования. Во-первых, из этого распоряжения можно заключить, что штабы армии и фронта так прочно себя чувствовали в В. Пруссии, несмотря на все вышеуказанные слабости расположения нашей 10-й армии там, что не считались даже с возможностью нашего отхода оттуда. Если бы это не было так, не могли бы они дать такого совершенно абсурдного распоряжения. Ведь казалось бы, что именно в слу-

чае, вынужденного противником, отхода армии, командование последней должно было бы иметь полную и неограниченную какими либо предписаниями свыше свободу руководить отходом всех частей армии, в зависимости от складывающейся обстановки. Вышеупомянутое же распоряжение — фланговым дивизиям армии отходить в свои крепости — вперед уже парализовало управление армией и лишало ее командование возможности маневрирования и противодействия охватывающим движениям противника. Во-вторых, предписание фланговым дивизиям армии отходить именно только в свои крепости указывает совершенно определенно на то, что наше высшее командование даже не допускало мысли, что противник может попытаться из находящихся в его руках лесных пространств выйти во фланг и тыл нашей армии. Ведь если бы на флангах армии оказались боевые части, а не слабые второчередные, которые при первом же нажиме со стороны противника побежали, — части, которые оказали бы сопротивление дебуширующему из этих лесов противнику, то в случае вынужденного их отхода они и так не смогли бы больше отойти к своим крепостям, так как эти их пути отступления были бы уже прерваны противником. О правильности этого моего утверждения, в достаточной мере, свидетельствуют слова генерал-квартирмейстера фронта Бонч-Бруевича. Когда, наконец, очень обезпокоенный поступающими от войсковой разведки сведениями о появлении свежих германских частей в Ласдененских лесах, ген. Сиверс, командарм 10-й армии, обратился в штаб фронта, прося помочь ему свежими частями очистить от противника эти леса, просьба эта была оставлена совершенно без внимания. Когда же он обратился туда по прямому проводу, правая рука Рузского — Бонч-Бруевич — ответил ему: «немцы вряд-ли решатся на это». (Почему?). И вот именно эта фраза так ясно указывает нам, с одной стороны, на ни на чем необоснованную самоуверенность, которая царила тогда в штабе фронта, с другой же — на легкомыслие, даже невежество, лиц, возглавлявших его (Рузский, Бонч-Бруевич и др.).

Также, повидимому, мало беспокоило наше высшее командование и то обстоятельство, что вытянутая в тонкую нитку на 175 верст наша 10-я армия не имела абсолютно никаких ни армейских, ни корпусных резервов.

Непонятным является и то, что, несмотря на колоссальные суммы, которые русское правительство выдавало ежегодно на тайную разведку в граничащих с Россией государствах, и, конечно, в первую очередь в Германии, оказывается, что с началом военных действий именно в этой стране таковой фактически не оказа-

лось. Вследствие этого, главным источником получаемых сведений о противнике была войсковая разведка, возможности и масштаб которой, как известно, очень ограничены. Иначе говоря, наши высшие штабы, как Ставка или штаб фронта, практически ничего не знали о том, что творится у противника. О всех важных передвижениях войск и о готовящихся противником новых ударах узнавали они всегда слишком поздно. Наоборот, немцы знали все, что творится у нас.

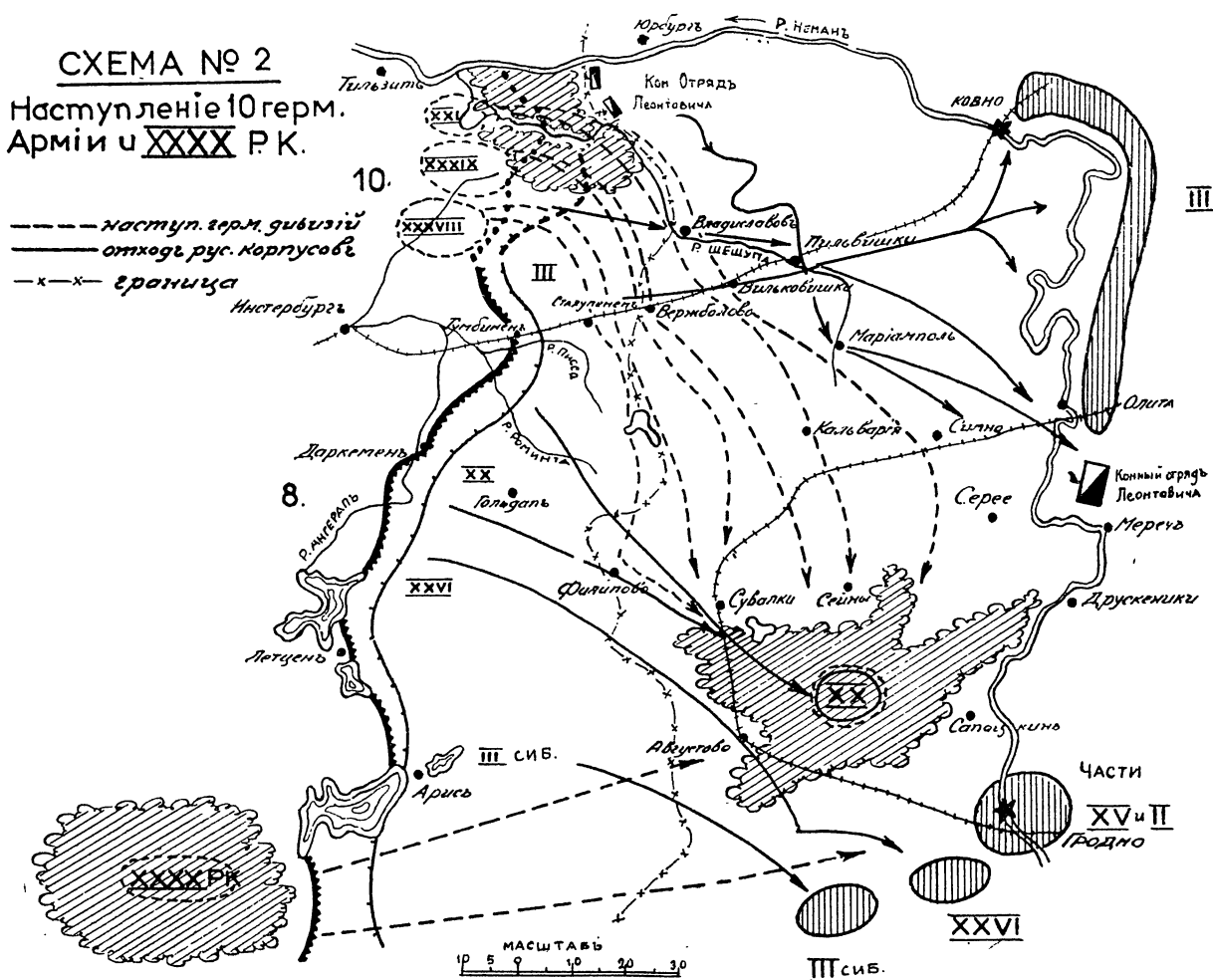
Все вышеперечисленные недостатки, оплошности, промахи и ошибки свыше, предreshали назревающую тут катастрофу. Однако, некоторые благоразумные решения и целесообразные маневрирование войсками в течение начавшегося уже наступления немцев могло бы еще предотвратить, по крайней мере, наихудшее.

Каким образом реагировали на него главнокомандующий Северо-Западным фронтом и командующий армией — не известно. О начавшемся германском наступлении и что было ими

предпринято для спасения того, что еще можно было бы спасти, а также то, что в действительности произошло на этом участке русско-германского фронта в конце января и начале февраля 1915 года, это увидим мы ниже.

Учитывая эти вышеперечисленные, безграмотные с военной точки зрения, ошибки соответствующего русского высшего командования на восточно-прусском театре военных действий, а также будучи хорошо осведомленным о том, что происходит у нас, германское верховное командование решило усилить там свои войска четырьмя новыми корпусами. Причем, как и следовало этого ожидать, оно использовало в полной мере свою отлично развитую железнодорожную сеть, сосредоточив, совершенно для нас незаметно, эти свои 4 новых корпуса на флангах нашей 10-й армии именно в тех обширных лесных пространствах, на которые эти фланги опирались. Эти корпуса были направлены следующим образом: 40-й резервный корпус был высажен из вагонов в южной ча-

СХЕМА № 2
Наступление 10 герм. Армии и XXXX Р.К.

сти В. Пруссии и продвинут вперед в леса к юго-западу от Иоганисбурга, то есть против левого фланга нашей 10-й армии. Три же остальные: 21-й, 38-й рез. и 39-й рез., сведенные в новую 10-ю германскую армию, были густо сосредоточены в Ласдененских лесах и прилегающих к ним районах с юга, т. е. против правого фланга нашей армии.

Попытка немцев обойти левый фланг нашей 10-й армии успеха не имела. Это верно, что наша левофланговая 57-я дивизия неприятельского напора не выдержала и отошла к крепости Осовец. Но зато, в своем дальнейшем продвижении вперед, германские войска натолкнулись на один из лучших корпусов старой русской армии — на III-й сибирский. Этот корпус своими удачными действиями и стойкостью сибирских стрелков сделал быстрое продвижение германских войск вперед невозможным. Только в связи с дальнейшими событиями, происходившими на остальном участке нашей 10-й армии, группа ген. Радкевича, не взирая на абсурдные, не отвечающие обстановке, приказания свыше, должна была все же отходить. Она очень искусно вышла из грозившего ей окружения и в полном порядке заняла за р. Боброем новую позицию. Таким образом, благодаря правильному пониманию сложившейся обстановки и умелому маневрированию генерала Радкевича, а также благодаря высоким боевым качествам III-го сибирского корпуса, правофланговая германская обходная группа смогла сыграть всего лишь второстепенную роль. Только в конечной фазе операции удалось ей принять еще некоторое участие в окружении нашего XX Арм. Корпуса в Августовских лесах.

Ввиду того, что вышеупомянутые удачные действия группы ген. Радкевича не допустили достижения намеченного германским планом обхода левого фланга нашей 10-й армии и выхода в ее тыл, не буду больше останавливаться на этом ее фланге, а займусь разбором боевых событий на ее противоположном, правом фланге, где, к сожалению, развитие операции приняло для нас весьма плачевный оборот. Здесь чрезвычайно интересным, с оперативной точки зрения, является обход немцами правого фланга нашей 10-й армии, а также их дальнейшие действия, приведшие к окружению нашего XX Арм. Корпуса.

Как мы видели выше, кроме уже ваходившихся тут прежде германских частей, преимущественно кавалерии, усиленной небольшими соединениями пехоты и самокатчиков, германскому командованию удалось, пользуясь главным образом Ласдененскими лесами, сосредоточить к 25-му января, почти что незамеченный с нашей стороны, свой мощный обходной кулак

— их 10-ю армию, состоявшую из линейного 21-го Арм. Корп., переброшенного сюда из Франции, и двух недавно сформированных, главным образом из добровольцев, 38-го и 39-го корпусов.

С русской же стороны на этом участке находились — на самом крайнем северном крыле армии, примыкая правым флангом к Неману, конный отряд ген. Леонтовича, в составе частей 1-й и 3-ей кавалерийский дивизий. Далее к югу, шли растянутые в тонкую струнку и перемешанные между собой отряды из частей второочередных 56-й и 73-ей пех. див., да еще несколько батальонов 27-й пех. див. Все это, как мы видели, объединенное управлением III-го Арм. Корпуса, составляло так называемую «Вержболовскую группу».

Начавшееся 25-го января наступление против левого фланга нашей 10-й армии и, установленное нашей войсковой разведкой, — присутствие в Ласдененских лесах целого ряда новых, незарегистрированных тут раньше, неприятельских частей, а также постоянный численный рост таковых должны были бы открыть глаза нашему командованию на назревающую для нашей 10-й армии опасность. Каждый образованный офицер знал теорию германского генерального штаба — «Канны» Шлиффена (полагаю, что эта теория все же была знакома и Рузскому), которую немцы пытались проводить в жизнь всюду, где только было возможно (как например, их операция против Самсонова в августе 1914 г., потом пробы повторения ее с армией Ренненкамфа, наконец, Лодзинская операция и т. д.). В данном случае, по наличным признакам, не трудно было догадаться, что и тут они собираются провести в жизнь эту свою теорию, а следовательно штабы фронта и армии должны были бы быть на чеку и принять необходимые меры предосторожности.

Однако, Рузский не хотел этого понять, вероятно, по той простой причине, что это, такое ясное намерение германского командования, совершенно не отвечало его стратегическим планам.

Что же касается командующего армией Сиверса, то, не имея абсолютно никаких резервов для маневрирования и парализования ударов противника во фланг и тыл его армии, а также учитывая те условия, в которых эта армия занимала свой участок фронта, ему оставался еще один шанс спасти свою армию — это немедленно же оттянуть ее на тыловую позицию, выводя ее таким образом из — под грозящих ей ударов из лесных пространств на ее обоих флангах. Однако, без согласия Рузского, он не имел гражданского мужества взять такое решение на свою ответственность. А Рузский все еще не хотел понять действительного положе-

ния вещей. Все донесени из штаба 10-й армии о многочисленных признаках грозившей опасности с поразительным упрямством не хотел он принимать в серьез, считая, что немцы производят всего лишь только демонстрации. В результате этого своего убеждения, он приказал Сиверсу перейти всей армией в наступление.

Этот приказ особенно характерен для оценки Рузского, как полководца. Во-первых, вместо того, чтобы вывести армию из клещей, в которые попала она благодаря совершенно безграмотному, с тактической точки зрения, ее расположению, Рузский толкал ее этим своим приказом как бы в мешок, подготавливаемый ей противником, и этим облегчал последнему ее окружение. Во-вторых, приказ этот был совершенно неосуществим по той простой причине, что армия была вытянута в длинную тонкую струнку и лишена была каких бы то ни было резервов. (Старая истина: «если бить, то кулаком, а не широко распростертыми пальцами»).

Рузскому, конечно, было хорошо известно настоящее положение вещей, так как штаб армии доносил ему постоянно. Всего лишь несколько дней перед тем просил Сиверс, как мы уже видели, помочь ему очистить от немцев Ласдененские леса — просьба, на которую Рузский не считал даже нужным ответить.

Такое, по меньшей мере странное, поведение Рузского можно разве только объяснить себе все той же *idée fixe*, о которой уже была речь выше, не говоря тут совершенно о полной бездарности, проявленной им на должности главнокомандующего фронтом, которую так наглядно показал он в эти и последующие дни. Рузскому, задумавшему вдруг повторить во что бы то ни стало план вторжения в В. Пруссию, который уже раз не удался его предшественнику Жиблинскому, было в то время совсем нестати какое-либо наступление немцев на этой части фронта, а поэтому он закрывал глаза на грозившую армии опасность и пытался внушить и Ставке Верховного, и командующему угрожаемой немцами армии, что это все — ничто иное как обыкновенная демонстрация противника, старающегося отвлечь внимание от фронта в Польше. Формирование же 12-й армии, совместно с которой наша 10-я должна была выполнить его *«idée fixe»* могло быть закончено только в марте. А до этого времени необходимо было Рузскому сохранить на восточно-прусском участке фронта *status quo*.

У изучающего деятельность Рузского в то время не раз возникает впечатление, что при некоторых его оперативных соображениях и планах противник совершенно не принимался им во внимание. Через все его мероприятия

красной нитью проходит предвзятость и упрямство относительно предполагаемых им намерений германского верховного командования. Так, например, решил он, что немцы поставили себе задачу овладеть западной частью Польши вплоть до Вислы и что для достижения этой своей цели направят они туда все свое военное напряжение, бросят туда все свои резервы. Что же касается Вост. Пруссии, то Рузский твердо решил, что, в то время, эта германская провинция не интересует почему то их командование. Из этой его, предвзятой и ни на чем не основанной, концепции и возникло намерение овладеть Вост. Пруссией. Необходимо тут обратить внимание читателя на то, что этот его замысел ясно указывает на полное незнание Рузским ни истории Германии, ни психологии немцев, не говоря уже о полном его непонимании политики тогдашнего германского правительства.

Невольно возникает тут вопрос, почему именно на Рузского пал выбор Ставки как на преемника Жиблинского на посту главнокомандующего армиями северо-западного фронта? Автор статьи, к сожалению, не располагает документальными данными по этому вопросу. В своей «Россия в Мировой Войне» генерал Данилов пишет о Рузском следующее: «Нового главнокомандующего армиями северо-западного фронта я знал хорошо и с давних времен... Спокойный, рассудительный... одаренный достаточно твердым характером — он имел все данные, чтобы быть хорошим, в современном смысле, военачальником... К сожалению, слабое здоровье ген. Рузского часто препятствовало полному проявлению его природных дарований».

Автор статьи лично не знал Рузского и о его деятельности как военачальника, может судить только по тем грубейшим, совершенно непростительным ошибкам и упущениям, о которых уже была речь выше и о которых будем еще говорить далее. Однако научное исследование I-й Мировой войны на русском фронте позволяет ему составить некоторую гипотезу о том, почему выбор пал именно на Рузского.

Начало I-й Мировой войны на нашем фронте ознаменовалось страшнейшей катастрофой, которая превзошла все самые мрачные опасения пессимистов — гибель 2-й армии в В. Пруссии и успешный отход, принявший формы бегства 1-й армии почти что из-под Кеннигсберга за Неман. Ясное дело, что эти события вызвали огромный переполох в Ставке и прежде всего стало там ясным, что главнокомандующий армиями северо-западного фронта ген. Жиблинский должен быть заменен другим генералом. Перед Ставкой возник чрезвычайно серьезный вопрос, кому доверить этот, такой ответственный, пост? Ставка все как-то не мог-

ла остановить свой выбор, а Жилинский, хотя и знал, что должен будет уйти, но пока все еще продолжал возглавлять жалкие остатки своего фронта.

Но вот вдруг счастье стало нам улыбаться. На юго-западном фронте начала вырисовываться победа над австрийцами, причем эта победа была достигнута главным образом корпусами и дивизиями наших 8-й и 3-й армий. Командующий 8-й армией ген. Брусиллов, перед войной комкор XII-го, был обыкновенным строевым кавалерийским генералом, без академического образования. Тогда как 3-й армией командовал ген. штаба генерал Рузский, перед войной помощник командующего войсками Киевского Военного Округа. Из этих двух победоносных командующих, Рузский обладал двумя козырями, которые весьма ценились в русской армии — старшинство и Военная Академия! А тут, пока в Ставке кандидатура Рузского, которую несомненно поддерживал генерал-квартирмейстер Данилов, все еще не выкристаллизировалась окончательно, случилось так, что как раз 3-я армия захватила Львов и этой победой заглушила восточно-прусскую катастрофу. Так вот, мне кажется, что именно, это последнее обстоятельство толкнуло Ставку остановить свой выбор на Рузском. Это одна сторона медали. Что же касается другой, то тут личность Рузского представляется в менее розовом свете. Во-первых, в Манджурии он себя ничем не проявил, будучи всего лишь только статистом в качестве генерал-квартирмейстера одной из армий. Во-вторых, между войнами занимал он разные должности, как уже сказано выше, вплоть до помощника генерал-адъютанта Иванова во главе Киевского Военного Округа. Но и тут повторилось то же. В-третьих, если его 3-я армия разбила австрийцев и захватила Львов, то в этом отнюдь не заслуга Рузского, а исключительно прекраснейших корпусов Киевского Военного Округа (IX, X, XI, XII), составлявших его армию и которые своими боевыми качествами далеко превосходили австро-венгерские войска.

Возвращаясь теперь к теме, нельзя обойти молчанием то, что командующий 10-й армией ген. Сиверс; (между прочим — бывший подчиненный Рузского перед войной, в качестве командира X Арм. Корпуса, а также во время его Галицийских «побед») вполне сознавал опасность, которая грозила вверенной ему армии. Он видел и внутренне переживал то, по меньшей мере возмутительное, равнодушие, с каким Рузский относился к судьбе его армии. Однако не хватало ему гражданского мужества, чтобы воспротивиться этому и поискать пути для облегчения судьбы этой несчастной армии, толкаемой к гибели невежеством и упрям-

ством (которые Данилов называет «достаточно твердым характером») Рузского.

Необходимо упомянуть также, что как раз во время этой операции погода начала немилосердно шалить. Термометр скакал то вниз, то вверх. Попеременно сильные морозы, снежные бури и метели, творившие на дорогах непроходимые заносы, в друг заменялись полнейшей оттепелью со всеми последствиями и наоборот. Все это, конечно, крайне осложняло всякое передвижение войск, обозов и т. д. Некоторые русские исследователи этой операции стараются такой непогодой оправдать, отчасти, некоторые промахи нашего командования и войск. Но они совершенно упускают тут из виду то обстоятельство, что те же самые затруднения в передвижении имели также и наступающие германские войска, для которых, привыкших к другим дорогам и к организованной уборке таковых от снега, преодоление всех этих препятствий было, вероятно, гораздо тяжелее чем нашим. Упомянув вскользь этот фактор непогоды, не буду дольше останавливаться на нем.

Уже 26-го января с самого раннего утра стало определенно ясно, что неприятель начал глубокий обход крупными силами правого фланга нашей 10-й армии. Первый удар был направлен на находившиеся при Ласдененских лесах части 56-й и 73-й пех. дивизий. Командарм III-го арм. корпуса ген. Епанчин, отдавая себе отчет в обстановке и назревающей для его «Вержболовской группы» опасности, наперекор приказаниям Рузского и Сиверса, решил несколько оттянуть правофланговые части корпуса на тыловые позиции, что, вероятно, спасло их от полного окружения. Это решение было само по себе безусловно правильно. Однако, не для малобоеспособных, слабых, второочередных дивизий, какими были эти две. Для этих последних приказ об отходе на тыловые позиции оказался равнозначимым сигналом для неудержимого отхода — «подальше от противника». Некоторые части более упорной 73-й пех. дивизии все же оказывали кое-какое сопротивление противнику, за что и пришлось им заплатить пленом. Части же 56-й пех. дивизии никакого сопротивления не оказывали и начали постепенно отходить на восток. Противник их не преследовал, так как его пути шли на юг, в тыл нашей 10-й армии.

Само собой разумеется, что если бы в составе Вержболовской группы, на правом фланге армии, оказались бы не эти две, никуда негодные в боевом отношении, дивизии, показавшие себя уже с начала войны с самой худшей стороны, а хорошие боевые дивизии вроде таковых III-го сибирского корпуса (на левом фланге армии), вся эта операция приняла бы для немцев совсем другой оборот. Такие две боевые дивизии, отведенные комкором за благо-

временно из-под ударов с севера на эти тыловые позиции где нибудь впереди линии Ковно-Олита и прикрываемые от Козловорудских лесов конным отрядом под начальством приличного генерала, а не Леонтовича, наверное не откатились бы так легко за Неман, и оставались бы, во всяком случае, серьезной и постоянной угрозой для тыла двинувшейся на юг германской 10-й армии. В этом случае, германское командование вынуждено было бы выдвинуть против этих «боевых» дивизий заслон, не меньше чем корпус, ослабляя таким образом свою обходную колонну на целую ее треть. По всей вероятности, в этом случае такой глубокий обход нашей 10-й армии вообще не имел бы места. Но собака зарыта в том, что немцам хорошо было известно как расположение частей нашей армии, так и боевые качества каждой из последних. Они шли наверняка, беря вперед в расчет, что обе правофланговые русские второочередные дивизии III-го Арм. Корпуса или целиком сдадутся в плен при обнаружении ими угрозы с фланга, или же побегут — что тут и произошло.

В то время как большая часть Вержболовской группы пришла в движение и начала постепенно отходить к Неману, оголяя фланг нашей 10-й армии, Рузский дает 27 января по телеграфу приказание Сиверсу: «Для решительной атаки немецкой 10-й армии собрать в кратчайший срок возможно большее количество войск» и т. д. Конечно, бумага может выдержать каждое, самое невероятное, нелепое приказание. Но какой же смысл было давать в критический для армии момент такое совершенно нереальное и неосуществимое распоряжение? Ведь Рузский, уже в течение нескольких недель, непрерывно получал донесения и отлично знал, что армия не располагает абсолютно никакими резервами. Откуда Сиверс мог бы взять эти войска, если Рузский их ему не давал? Разве не было бы благоразумней и целесообразней вместо того, чтобы давать такие ничего не стоящие, абсурдные приказы, открытыми глазами взглянуть на сложившуюся по его вине обстановку и, напрягая свои мозги, припомнить хотя бы то, как учит поступать в подобном положении (в подобных условиях) военная наука? А в то время была еще возможность здравыми решениями и мероприятиями спасти армию от грозящей ей катастрофы. Между тем, большая часть войск Вержболовской группы отчасти уже в полном беспорядке, совершенно вырвавшись из рук своих начальников, стихийно отходила за Неман. Несмотря на это, ген. Сиверс передает Епанчину свое приказание Рузского: «Вержболовской группе не отходить».

Находившаяся на самом правом крыле кон-

ница ген. Леонтовича, без серьезного нажима со стороны противника, не удержалась на своем участке. В ночь 27/28 января покинула она свои позиции и в один переход отскочила сразу же верст на 75-80 к Гришка Буда, открыв противнику дороги на Владиславов, то есть в тыл задержавшихся еще частей Вержболовской группы и, вообще, всей армии. Благодаря этому немцам удалось захватить в плен отдыхавшие в Ширвинте части 73-й пех. дивизии.

Все вышеперечисленное должно было бы, наконец, открыть глаза Рузскому и Сиверсу, давая им понять, что наступила последняя пора отвести центр армии из ее выдвинутого теперь вперед положения на тыловые позиции. Однако и Рузский и Сиверс все еще ждали какого-то чуда. Одно за другим бессмысленные, совершенно не отвечающие обстановке, приказания исходили от них, вводя подчиненных им начальников в заблуждение.

28-го января, когда «Вержболовская группа» фактически перестала уже существовать как таковая в боевом отношении, а ее штабу было уже известно от воздушной разведки о приближении с севера четырех дивизионных неприятельских колонн, Рузский и Сиверс все еще пытались успокоить Епанчина, что это всего лишь только демонстрация немцев. Когда же, к 29-му января, и последние части «Вержболовской группы», которые до сих пор, кое-где еще держались, также пришли в полное расстройство и ушли за Неман, эта группа армии выпала теперь совершенно и окончательно «из игры», открыв не только фланг, но и тыл центра армии. Она никакого участия в этой операции до ее окончания уже больше не принимала. Неоспоримая же заслуга ген. Епанчина заключается в том, что, не обращая больше внимания на нереальные и совершенно абсурдные приказания свыше, он сумел во время вывести главную массу своих войск из-под охватывающих ударов противника. Он уже давно беспрестанно и своевременно предупреждал и Сиверса и Рузского о грозящей армии опасности. На его тревожные донесения оба не обращали никакого внимания, а Рузский считал даже эти предостережения проявлением беспричинного малодушия. Если бы Епанчин не вывел во время свои дивизии из-под охватывающего движения численно и качественно превосходящих сил противника, он только увеличил бы еще больше число наших пленных, не будучи, все равно, в состоянии спасти XX Арм. Корпус от окружения.

В это время, ген. Леонтович, имевший в своем отряде от 30 до 36 эскадронов при, по крайней мере, 18-ти орудиях, безудержно отходил перед, всего лишь, германской сводной кавалерийской бригадой в составе 8-и эскадронов при

4-х орудиях. Он совершенно не сумел своим сильным, подвижным кавалерийским отрядом, состоящим из прекраснейших, испытанных в боях полков 1-й и 3-ей кавалерийских дивизий (последняя к тому же отлично знакомая с местностью, так как была расквартирована здесь перед войной) и конных батарей прикрыть фланг армии и разведать наступательные движения и силы неприятеля. Забыв возложенную на него задачу и, повидимому, окончательно потеряв голову, оторвавшись от противника и утратив всякую связь с высшими штабами и соседями, болтался он несколько суток подряд со своим отрядом без всякого толку и цели между отступающими частями «Вержболовской группы». В конце концов, этот его прекрасный боевой кавалерийский отряд очутился на правом берегу Немана, за Олитой, и таким образом он, так же как и вся «Вержболовская группа», перестал быть полезным для погибающей нашей 10-й армии. «История конницы — история ее начальников» — эта старая истина еще один раз оправдалась в данном случае. Этот, никуда негодный, начальник не сумел использовать большие возможности, открывавшиеся перед отличными полками 1-й и 3-ей кавалерийских дивизий и их конными батареями.

27-го января центр армии, XX Армейский корпус, в составе около четырех пехотных дивизий, продолжал, согласно категорическому приказанию Рузского, все еще стоять на своих первоначальных, далеко выдвинутых вперед, позициях. Это приказание Рузского было противно всем правилам тактики и против всякой логики. Раз «Вержболовская группа» начала уже свой отход, стараясь избежать окружения, было ясно, что противник будет теперь пытаться охватить с тылу центр армии. Раз ни фронт, ни армия не имели своих особых резервов для противодействия обходным движениям противника, оставалось всего лишь немедленно же отводить войска из-под охвата на тыловые позиции. В своем бессмысленном упрямстве Рузский все еще не хотел этого понять. Это верно, что против центра армии противник оставался совершенно пассивен. Но именно этот факт должен был бы еще больше обратить внимание Рузского на намерения противника. Однако ни сам Рузский, ни его ближайшие помощники как будто все еще не хотели понять, куда метят немцы. События развивались с невероятной быстротой далее, как это было описано выше, а центр армии все еще продолжал стоять на своих позициях.

Только 29-го января, когда вся «Вержболовская группа» находилась уже за Неманом, Рузский, потеряв напрасно и просто преступно более 48-ми часов, разрешил наконец XX Арм.

Корпусу начать отход на восток. Но было уже слишком поздно. К этому времени германская 10-я армия закончила свое захождение левым плечом и теперь всеми своими шестью дивизиями быстро и неудержимо шла фронтом с севера на юг, то есть перпендикулярно к путям, которыми четыре дивизии нашего XX-го Арм. Корпуса должны были бы начать свой запоздалый отход.

Произошло то, что Рузскому, как офицеру Генерального Штаба, должно было бы быть понятным уже 26-го января, — само собой разумеется, конечно, только при условии трезвой оценки сложившейся обстановки и при полном и окончательном отказе от его совершенно нереальной, химерной «*idée fixe*», о которой говорилось выше. Уже хотя бы только при сравнении отдаления от Немана центра нашей 10-й армии и германских обходных колонн, должно было бы стать ясным, в какой страшной опасности находился наш XX Арм. Корпус. Однако, повидимому, ни в штабе армии, ни в штабе фронта мысль о таком сравнении не приходила даже никому в голову.

Начав свой отход, имея над флангом и тылом стремящиеся в разрез направления его отступления несколько параллельных крупных колонн противника, центр нашей 10-й армии XX Арм. Корпус вынужден был отклониться к юго-востоку от своих коммуникационных линий.

Это просто парадоксально, что своими переполненными продовольственными магазинами, покинутыми Двадцатым Арм. Корпусом на его коммуникационных путях, (от которых, как мы видели выше, должен был он уклониться южнее,) попавшими в руки немцев, мы сами развязали последним проблему продовольствия их обходных колонн. Вот как свидетельствует об этом германская официальная история войны: «если бы не русские продовольственные магазины, с их громаднейшими запасами продовольствия, обуви и т. п., попавшими нам в руки в полном порядке, вряд ли смогла бы наша 10-ая армия, при царившем тогда полнейшем бездорожье выполнить возложенную на ее войска задачу и окружить русский XX Арм. Корпус».

Из того, каким темпом продвигались на юг колонны противника и сравнивая расстояния по карте, нетрудно было догадаться, что немцы стремились прежде всего перерезать самый южный путь отступления XX Арм. Корпуса к Неману (Сувалки—Сеймы—Друскеники).

XX Арм. Корпус имел, быть может, еще возможность отойти за р. Бобр, при условии безостановочного движения в этом направлении. Однако, не имея соответствующих указаний

от командующего армией, Булгаков, командир XX-го Арм. Корпуса, на такой самостоятельный шаг решиться не мог. К тому же, связь со штабом армии оказалась прерванной уже с момента, когда XX Арм. Корпус должен был уклониться от предписанной ему приказом по армии коммуникационной линии, и уже до самого конца операции не была больше восстановлена.

То обстоятельство, как была организована техническая связь отдельных групп со штабом армии, дает еще одно неоспоримое доказательство того, что наше высшее командование не допускало даже мысли о возможности отхода нашей 10-й армии из Вост. Пруссии. С момента отклонения отходящих войск от первоначально установленного сообщения с запада на восток и обратно — с востока на запад, всякая техническая связь между тыловыми и штабом армии обрывалась. Тут нельзя без возмущения обойти молчанием того, просто поразительного, равнодушия, с каким штаб фронта и штаб армии не проявил даже минимума инициативы, чтобы эту прерванную связь восстановить наново каким-нибудь иным способом.

Таким образом XX-ый Арм. Корпус, уже вскоре после того как он начал свой отход из Вост. Пруссии, оказался совершенно оторванным от штаба армии и изолированным. Конечно, трудно сказать, много ли он потерял на этом? Возможно, что бестолковые и нереальные приказания из штаба фронта, которые штаб армии, по своему обыкновению, непрерывно передавал бы в штаб центральной группы армии, внесли бы, быть может, еще больше путаницы и расстройств в руководстве отступающими четырьмя дивизиями XX Арм. Корпуса.

Центр армии оказался также лишенным какой-либо помощи со стороны кавалерийского отряда, бежавшего, как мы видели, за Неман. Если бы он не бежал в самом начале германского наступления, а установил бы, после отхода «Вержболовской группы», связь с штабом XX Арм. Корпуса, то мог бы оказать, вероятно, очень большую помощь XX Арм. Корпусу, хотя бы только снабжением последнего, так важными для него, сведениями о движении окружающих его неприятельских колонн, а также помогая наладить утраченную связь со штабом и с соседями. Но для этого, во главе этого конного отряда должен был бы стоять настоящий кавалерийский начальник, безусловно храбрый и с личной инициативой, что у Леонтовича совершенно отсутствовало.

Но XX-му Арм. Корпусу, повидимому, суждено было совершать свой, слишком запоздалый по вине Рузского, отход в полном неведении того, что происходит в других группах армии и что вообще творится кругом. Не располагал он ни-

какими разведывательными или осведомительными органами. Две третьеочередных казачьих сотни, входившие в его состав, были слишком малочисленны и не на высоте, чтобы выполнять подобные задания.

1-го февраля дивизии XX-го Арм. Корпуса были уже в непосредственном боевом столкновении с подошедшим с севера противником. Своими развернутыми полудугой к северу и северо-западу от Сувалок дивизиями, корпус занял позицию против 10-й германской армии. На счастье, неприятель не напирал, так как утомленные большими форсированными переходами, в чрезвычайно тяжелых дорожных условиях, его молодые еще дивизии получили возможность передохнуть, пока левофланговый, XXI Арм. корпус их армии продолжал свое движение на юг, глубоко охватывая таким образом наш XX Арм. Корпус, теперь с востока. Тут, в расположенном в г. Сувалки штабе корпуса, от прискакавших со стороны Сейн обозных, стало вдруг известным, что немцы уже захватили этот городок, отрезая таким образом намеченный командиром корпуса путь отхода всех четырех дивизий северней Августовских лесов, через Сейны, к Неману и Друскеникам.

Командир корпуса ген. Булгаков, не отдавая себе все еще отчета в том, что необходимо ему как можно скорей оторваться от противника и без задержки уходить, имел все же еще столько здравого рассудка, чтобы не исполнить последнее, полученное перед окончательным разрывом связи, приказание командующего Армией Сиверса — перейти всеми своими дивизиями в контр-наступление. Он приказал своему корпусу в ночь на 2-ое февраля начать отход в юго-восточном направлении, надеясь еще занять перед противником сильную, отлично оборудованную Сопоткинскую позицию впереди Гродно, чтобы на этой позиции оказать решительное сопротивление немцам.

Во исполнение этого приказа командира корпуса, корпус вытянулся всеми своими четырьмя дивизиями в одну колонну и, скверной узкой лесной дорогой, двинулся в гущу Августовских лесов.

Однако уже вскоре стало известным, что и Сопоткинская позиция уже занята немцами. Но, вместо того чтобы попытаться еще проскочить за Бобр, Булгаков продолжал движение на Гродно в расчете, что Сиверс, при помощи резервов Рузского, отобьет эту позицию у противника и таким образом, дорога на Гродно будет ему открыта. Однако это не произошло. Измученный тяжелыми переходами, кровавыми попытками вырваться из окружения, голодный, расстрелявший все свои снаряды и патроны, несчастный XX Арм. Корпус, окруженный

со всех сторон тесным кольцом противника, 8-го февраля вынужден был сложить оружие и стал добычей немцев.

Не моя задача описывать тут героическую, безнадежную, шестидневную (от 2-го до 8-го февраля) борьбу за свободу этого несчастного, покинутого Рузским и Сиверсом на произвол судьбы, отличного, заслуженного уже в предыдущих операциях и боях, славного боевого XX Арм. Корпуса.

Согласно данным официальной германской истории той войны, добыча немцев, подсчитанная к 9-му февраля, составляла 92.000 пленных, в этом числе 9 генералов, 295 орудий, более 170 пулеметов и т. д.

Посмотрим же теперь, что вообще было принято, что сделано и с какими результатами, чтобы спасти 10-ю армию, в особенности же XX Арм. Корпус, а также чтобы вырвать последний из железного германского окружения.

Как мы уже видели выше, германская 10-я армия не преследовала «Вержболовскую группу» и конницу Леонтовича, откатившихся поспешно за Неман. Она зашла левым плечом на юг и шестью параллельными дивизионными колоннами двинулись во фланг и тыл начавшего с сильным опозданием свой отход нашего XX Арм. Корпуса. Немцы так хорошо отдавали себе отчет в том, в каком состоянии бежала за Неман «Вержболовская группа», что первоначально не считали даже нужным прикрывать свое движение на юг, со стороны Немана. Однако, считаясь с возможностью, что в штабе русского северо-западного фронта найдется, может быть, какая-нибудь свежая голова, которая учтет рискованность движения германской 10-ой армии на юг, параллельно Неману, и добьется того, что от Ковно или Олиты произведен будет русскими удар свежими войсками по тылам этой армии, германское командование все же решило выдвинуть на восток несколько заслонов-«пробок», запирающих главные пути, идущие от Немана на запад. Для этого были предназначены ими 16-я ландверная бригада. Однако эти незначительные германские дорожные заслоны-«пробки» на протяжении 100-110 верст от Немана (к западу от Ковно) до северного края Августовских лесов, были слишком слабы и не были бы в состоянии задержать сильный русский кулак, бьющий по тылам германской 10-й армии. Известный военный авторитет, германский генерал Макс Гоффманн, который в то время занимал должность 1-го офицера Генерального Штаба (по нашему — генерал-квартирмейстера) штаба Гинденбурга, пишет об этом следующее в своих воспоминаниях: «Для прикрытия фланга (германской 10-ой армии) с востока против Олиты и Ков-

но нужны были очень большие силы, которых, на самом деле, у нас не было».

Если бы русское командование захотело понять это, для него такое выгодное, подставление немцами своего фланга и тыла и предприняло соответствующий контр-удар со стороны Немана, немцы вынуждены были бы оттянуть к угрожаемым участкам некоторые из своих дивизий, предназначенных для окружения XX-го Арм. Корпуса, а этим окружение, а потом и пленение последнего стало бы проблематичным. Конечно, с русской стороны, для этого нужны были бы свежие, хорошие войска, а не III Арм. Корпус «Вержболовской группы», который после бегства был еще совершенно расстроен, деморализован и разбросан на пространстве вдоль правого берега Немана между Олитой и Ковно, так что в то время его, вообще слабый, коэффициент равнялся нулю.

Однако, в штабе фронта, эта такая простая оперативная возможность, повидимому, не была понята, несмотря на то, что в то время в резерве Рузского находился II Арм. Корпус, а в распоряжении Ставки были даже 4 1/2 отборнейших дивизий (гвардейский корпус и только что прибывший с Дальнего Востока, еще совершенно свежий, не тронутый IV Сибирский корпус). Да кроме того, в районе Гомеля, заканчивал свое восстановление XIII Арм. Корпус (погибший в армии Самсонова). Казалось бы, что таким обр. русское командование имело в своем распоряжении достаточно войск, чтобы от Олиты или Ковно ударить по немецким тылам, так дерзко подставляемых ими на протяжении 120 верст (от Ковно до Сопоткинской позиции) и этим вырвать из их рук эту назревающую, еще одну новую победу, все над тем же бездарным нашим командованием, проигрывавшим одну операцию за другой. Но все вышеупомянутые, достаточно сильные для такой попытки резервы были предназначены все для той же химерной «*idée fixe*» Рузского — для наступления из Северной Польши в пределы Вост. Пруссии, находившейся еще только в стадии формирования, 12-й армии. Позволю себе напомнить читателю, что наступление предполагалось совместными действиями 12-ой и 10-й армий и в Ставке его энергично поддерживал ген. Данилов. То же обстоятельство, что с момента отхода нашей 10-й армии из Восточной Пруссии, эта «*idée fixe*» утратила уже всякий смысл, кажется не было еще в достаточной мере понято Рузским и его окружением. Во всяком случае, во имя этой своей химерной фантазии он потерял XX Арм. Корпус.

Ровно 14 дней длилась эта операция немцев, начиная от перехода их в наступление из Ласдененских лесов, вплоть до пленения нашего XX Арм. Корпуса. В течение этих двух недель

нашим командованием абсолютно ничего не было предпринято существенного для спасения 10-й армии, для выручки погибавших в Августовских лесах четырех дивизий. Наоборот, как это мы видели выше, не желая понять в своем невежестве и упрямстве что назревает для этой нашей армии, Рузский и его сотрудники бессознательно толкали ее к гибели.

Не говоря о том, что упомянутая выше возможность удара по немецким тылам была совершенно упущена нашим командованием, не нашло оно даже нужным (скорей, вероятно, просто не поняло необходимости) занять до немцев Сопоткинскую позицию, что, может быть, позволило бы еще прорваться XX-му Арм. Корпусу на Гродно.

Только тогда, когда уже все попытки этого несчастного XX-го Корпуса разорвать немецкое кольцо, тесно охватившее его со всех сторон, и вырваться на свободу окончились полной неудачей, только тогда, когда он, наконец, вынужден был положить оружие, начались вдруг со стороны Гродно и Друскеник попытки притти ему на помощь. Части II-го и IV-го Арм. Корпусов сделали несколько скромных разрозненных попыток (как бы для очистки совести) прорваться к окруженным дивизиям XX-го Арм. Корпуса. Но германские войска выполнили уже свою задачу — XX-й Арм. Корпус сложил оружие. Повернувшись на 180 градусов, немцы образовали новый фронт против медленно и осторожно, ощупью продвигающихся от Немана русских «освободительных» попыток. Эти последние были совершенно не координированы и выказали так мало охоты прит-

ти своим на помощь, что немцам не стоило большого усилия их остановить.

Невольно возникает тут вопрос — не было ли все вышеописанное изменой? Мне лично кажется, что нет.

Истинные причины следует искать в показавшей себя, уже с первых дней войны, полной несостоятельности большинства высших начальников нашей армии.

Однако в этой статье не место заниматься исследованием этого вопроса, тем более, что главные виновники этой новой германской победы и гибели нашего XX-го Арм. Корпуса, мне кажется, достаточно ясно обрисованы выше во главе с Рузским с его оперативным невежеством, непониманием складывающейся обстановки и просто безграничным упрямством. Интересно, что, несмотря на то, что вина его, кажется, в этом случае была совершенно неоспорима, ни его положение, как главнокомандующего Северо-Западным фронтом, ни его авторитет, как военначальника, несколько не колебались, и он продолжал занимать эту должность еще два года, вплоть до революции!

Чтобы успокоить армию и общественное мнение, потрясенные этим новым поражением, кто-то должен был ответить за эту, уже слишком наглядную, катастрофу. И тут, так же как после Лодзинской операции, за все ошибки и промахи Рузского, должен был заплатить Ренненкампф, отрешенный от командования I-й армией, так и тут козлом отпущения был сделан слишком послушный Рузскому командующий 10-й армией ген. Сиверс.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Некоторые, русские исследователи этой операции из советского лагеря, считают, что удалась она немцам только отчасти, так как не смогли они окружить и взять в плен всю нашу 10-ю армию.

Такая точка зрения не только ошибочна, но даже, уже в своей основе, совершенно неправильна, так же как и некоторые утверждения об огромном численном превосходстве немцев в этой операции.

Немцев интересовало не столько окружение и пленение всей нашей 10-й армии сколько очищение от русских Восточной Пруссии и оттеснение их на русскую территорию как можно дальше, чтобы предотвратить этим предполагаемое Рузским новое наступление совместно с формирующейся в северной Польше 12-ой армией.

В дальнейшем же имели они в виду продолжать свое наступление с целью занятия Гродно-

Белостокского района, перерезывая нам таким образом, стратегически чрезвычайно важную, железно-дорожную артерию Петербург-Вильно-Варшава.

Первая часть операции удалась им вполне. Что же касается второй, — то к этому времени в районе Гродно-Бобр-Осовец были стянуты русским Верховным Командованием значительные силы, что и заставило немецкое командование отказаться от этой части задания.

Утверждение о численном превосходстве немцев также неправильно, так как, наоборот, численность 8-й и 10-й германских армий, вместе взятых, уступала даже численности нашей 10-й армии на всем протяжении ее фронта. Наша 10-я армия имела перед началом германского наступления, как известно, 11 дивизий каждая 16-батальонного состава, то есть 176 батальонов. В то время как находящаяся против нее германская 8-я армия имела всего лишь 6

пех. дивизий 12-батальонного состава, то есть 72 батальона. После же ее усиления 40-м германским корпусом и формирования новой 10-й германской армии, германские силы против нашей 10-й армии увеличились на 8 дивизий по 12 батальонов каждая, то есть на 96 батальонов. Таким образом общая численность обеих германских армий равнялась теперь 168 батальонам, то есть на 8 батальонов меньше, чем наша 10-я армия. Превосходство артиллерии с германской стороны, в данном случае, подавляющей роли не играло, так как во время обходных и охватывающих движений артиллерия, без соответствующих пехотных сил, не в состоянии проявить в необходимой мере это свое численное превосходство. Каким образом могли бы 8-я и 10-я германские армии окружить своими 168-ю батальонами — 176 батальонов нашей 10-й армии?

Как мы видели выше, зная чрезвычайно скверный состав пехоты «Вержболовской группы», в особенности, полную небоеспособность 56-й пех дивизии, немцы мало-мальски серьезного сопротивления тут не ожидали.

Что касается левого фланга нашей 10-й армии, то здесь они, повидимому, даже не имели серьезного намерения охватывать, так как предоставленные для этого их силы были уже слишком слабы — 40-й корпус, усиленный находившейся тут уже раньше 2-ой пех. дивизией. Это верно, что наша 57-я, находящаяся не самом левом фланге, дивизия убежала в Осовец. Но вместо нее натолкнулись здесь немцы на наш III-й Сибирский корпус, который их остановил. Во время развивавшихся тут боевых действий этот последний не только сам вышел из опасности быть окруженным, но даже способствовал благополучному отходу за р. Бобр соседнего с ним справа XXVI-го Арм. Корпуса.

Что же касается центральной группы нашей 10-й армии, то есть XX-го Арм. Корпуса, то и она благополучно вышла бы из грозившего ей после отхода за Неман «Вержболовской группы» опасности быть окруженной, если бы Рузский только захотел правильно оценить создавшуюся обстановку и не препятствовали бы ее своевременному отходу. Все окончилось бы тогда сравнительно благополучно с той только разницей, что пришлось бы нам теперь окончательно расстаться с Восточной Пруссией, а фронт нашей армии проходил бы теперь по Неману или даже, может быть, где-нибудь западнее его. Но для этого во главе этой нашей армии должны были быть не Рузские и Бонч-Бруевичи, не Сиверс, Булгаков и Леонтович, а генералы, понимающие кое-что в маневрировании войсками на войне.

Если призадуматься над всей этой операцией, приведшей к окружению и гибели нашего XX-го Арм. Корпуса, то, принимая во внимание последовательные мероприятия и решения наших генералов, невольно кажется она нам от самого начала до ее трагического конца как бы классическим примером того, как не следует поступать, чтобы самым верным и скорым способом не погубить свою собственную армию.

В. Кочубей

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Данилов: «Россия в Мировой войне», Берлин, 1924.
2. Он же: «Великий Князь Николай Николаевич», Париж, 1930.
3. Головин: «Из истории Кампании 1914 г.», Париж.
4. Незнамов: «Стратегический очерк войны 1914-18», Москва, 1922.
5. Каменский: «Гибель XX-го Арм. К.», Ленинград, 1921.
6. Хольмсен: «Мировая война», Париж 1935.
7. Успенский: «На войне», Каунас, 1932.
8. Грибов: «Новороссийские драгуны».
9. «Сумские Гусары 1651-1951», Буэнос-Айрес, 1954.
10. Сергеевский: «Пережитое», Белград, 1933.
11. Многочисленные показания участников.

НЕМЕЦКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Reichsarchiv: «Der Weltkrieg 1914/18». Band 5. und Dd. 7.
2. General Max Hoffmann: «Aufzeichnungen», Berlin, 1929.
3. Von Redern: «Die Winterschlacht in Mazuren», Oldeburg, 1918.
4. Agricola (Bauermeister): «Als ich im Stabe Hindenburgs war», Lübeck, 1934.
5. Hans Moller: «Fritz von Below», General d. Infanterie, Berlin, 1939 (биография Комкора XXI A. K.).
6. Hans Moller: «Albert von Berrer» (Das Lebensbild eines im Weltkrieg gefallenen deutschen Generalis), Berlin 1941 (биография Начдива 31).
7. General Karl Litzmann: «Lebensaufzeichnungen», Berlin, 1927/28.
8. Regimentsgeschichten einzelner Regimenter des XXI, A. K., der XXXVIII, XXXIX. und XL. res. A. K., der 1. Kav. Div., der 16. Landv. Div., der 5. Grde-Brigade usw.
9. General Feldmarschall von Eichhorn (Командарм 10-й германской). Личные разговоры с фельдмаршалом автора статьи в Киеве летом 1918 г. (Тогда фельдмаршал Эйхгорн был командующим германскими войсками на Украине).

ТРИ СРАЖЕНИЯ

(К 200-ЛЕТИЮ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ)

В 1962 году исполняется 200-летний юбилей окончания, для России, Семилетней Войны, в которую молодая Русская Армия «Дщери Петровой» Елисаветы покрыла свои знамена славой, на голову разбив лучшую тогда европейскую армию Прусского Короля Фридриха II-го и впервые взяв Берлин. Не лишено интереса напомнить три главных баталии этой войны: Гросс-Егерсдорф (1757 г.), Цорндорф (1758 г.) и Куннерсдорф (1759 г.).

Накануне этой войны, опять выявилось то традиционное для Европы недооценивание русского солдата, которое за 50 лет до того привело к крушению Карла XII-го. Вадингтон пишет: «судя по переписке Фридриха II-го, он не придавал никакого значения Русской Армии».

Король презирал «мужиков» и говорил, что эти противники не представляют для него ни-

«Не ковыль трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развевались,
Зашаталась тут сильна армия,
Сильна армия Царя Белого,
Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужедальную, на сторонущку,
На чужедальную, незнакомую».

какой опасности. Русских он называл «медвежатниками» и ставил в упрек Вольтеру его историю Петра Великого *). Военный представитель одной европейской державы при СПб дворе писал: «Если русская армия совершит маленькую диверсию в Восточную Пруссию, это все, что от нее можно ожидать, и если она потерпит малейшую неудачу — она совершенно развалится».

Эта всеобщая недооценка русского солдата не ускользнула от рядовых бойцов русской армии. Болотов пишет: «Не только прусские солдаты, но даже жители были почему-то уверены, что мы были слабее женщин и как солдаты ни к чему негодны».

В трех памятных баталиях Русская Армия заставила в корне пересмотреть это нелестное мнение.

ГРОСС-ЕГЕРСДОРФ 30 АВГУСТА 1757 г.

30 августа русская армия Апраксина находилась на походе от Гумбинена на Инстербург. Шли лесами, без мер предосторожности. Движение замедлялось многочисленными обозами. Прусский фельдмаршал Левальд, выполняя инструкции короля, скрытно подошел с 30.000-ым корпусом и на марше атаковал русских врасплох. «Все потеряли голову и не знали, что делать, пишет Болотов. Наши начальники метались в отчаянии из стороны в сторону, ничего не предпринимая».

Ценой нечеловеческих усилий генерал Лопухин выстроил, все таки, несколько полков на опушке леса. Его войска приняли удар. Болотов оставил описание этой первой серьезной встречи между русскими и пруссаками:

«Пруссаки наступали гордо, в образцовом порядке. Подойдя на дистанцию оружейного выстрела, они сделали первый залп по нашим. Мы были поражены тем, что с нашей стороны

не раздался ни один выстрел. Пруссаки подошли еще ближе и дали вновь залп всей первой линией. Мы не знали, что и думать, не слыша с нашей стороны ни одного выстрела. Пруссаки продолжали идти вперед и сделали еще один залп, самый ужасный. На этот раз, закричали мы, все кончено, они всех перебили. Но не успели мы произнести эти слова, как, к счастью, убедились, что у наших оставалось еще не мало живых, так как на залп пруссаков, на этот раз, сразу ответил огонь наших ружей и пушек, не залпами, беспорядочный, но еще сильнее, чем огонь врага».

Полки Лопухина защищаются с энергией отчаяния. Штык вступает в дело. Нарвский и 2-ой гренадерский полки в несколько минут теряют половину состава. Генерал Зыбин убит, Лопухин смертельно ранен. Но на выстрелы стремится ген. Румянцев. Продравшись с трудом через леса и обозы, четыре полка разворачиваются в боевой порядок и с места ударяют в штыки во фланг пруссакам. Порыв Румянцева увлекает за ним и полки ген. Сибиль-

*) Забывая, что Великий Петр был его крестным отцом.

ского. Под яростью удара прусские полки дают тыл. Рамбо пишет:

«Отступление пруссаков переходит в бегство. В 15 минут поле боя очищено, и армия Левальда растворяется в лесах. Было 16 часов утра и сражение было выиграно русскими. Их

шляпы летят в воздух, и слышно их громовое, победное «Ура». Это была первая победа, одержанная русской армией в действительно европейской войне. Русская пехота показала себя миру».

ЦОРНДОРФ 25 АВГУСТА 1758 г.

В этот день русская армия, которой теперь командовал Фермор, была атакована пруссаками под личным водительством короля.

Сражение началось в 9 ч. утра ужасающей артиллерийской канонадой против правого фланга русской армии. «Никогда еще, писал один прусский офицер, не слышали мы такой канонады». Два часа, с непоколебимой стойкостью, выдерживает русская пехота этот адский обстрел. В 11 ч. полки Мантейфеля устремляются в атаку на правое русское крыло. Полки Лауница поддерживают их, но во время движения принимают слишком вправо. Русские немедленно пользуются этой ошибкой.

Мантейфель встречен штыками с фронта, но Кауниц атакован во фланг. Его полки опрокинуты и обращены в бегство. Под угрозой обхода Мантейфель быстро отступает. На поддержку разбитой пехоты король бросает в атаку 56 эскадронов Зейдлица. Под ударом этой лавины русская пехота расстроена, но оказывает яростное сопротивление. Болотов вспоминает: «разбитые на маленькие кучки, расстрелявшие все патроны, наши дерутся до последней капли крови. Многие, пронзенные палашами, продолжают биться, другие потеряв руку или ногу, поверженные на землю, стараются, все таки, убить врага оставшейся рукой. Никто не просит пощады». Пруссаки отдают должное этому сопротивлению. «Грядами лежали русские», пишет Катт, «когда их рубили, они целовали свои пушки, но не покидали их. Раненые и поверженные, они продолжали драться. Мы им не давали пощады». Крик вос-

хищения вырывается у другого прусского офицера: «Что касается русского гренадера, то ни один солдат в мире не может с ним равняться».

Правое русское крыло разгромлено. Убиты генералы Любомирский, Уваров и Леонтьев. Но пыл прусской конницы поглощен сопротивлением русских полков. Зейдлиц отводит назад свою расстроенную боем конницу.

Тогда внезапно атакует русская пехота левого крыла, под начальством генерала Брауна. Прусская пехота здесь обращена в бегство. К ней бросается Фридрих. Со знаменем в руках он трижды тщетно пытается остановить свои полки. (Но русские солдаты отбили бочки с водкой и перепились. Они вышли из повиновения). В этот момент вновь атакует конница Зейдлица. Левый русский фланг подвергнут отчаянной рубке. Падает запертво генерал Браун, получивший 12 ран, генерал Чернышев ранен и взят в плен. Все русские генералы выбыли из строя. Зейдлиц пронесется через разгромленные полки Брауна, но вторая русская линия стоит стеной и, отбитый батальным огнем, Зейдлиц вновь отводит свои полки. Сражение оканчивается канонадой.

«Ужасный день, пишет Фридрих, я видел момент, когда все пошло к чорту, Никогда еще я не встречал у врага такого упорства». И, оценивая русские войска, он говорит: «прекрасная пехота, плохие генералы».

«Нерешительное сражение, поражение или победа, Цорндорф это имя, которое русская армия имеет право начертать золотыми буквами на своих знаменах». (Рамбо).

КУННЕРСДОРФ 12 АВГУСТА 1759 г.

День решительного сражения между русскими, которыми командует Салтыков и пруссаками, которых лично ведет король.

Салтыков расположил свою армию на трех возвышенностях: Юденберг, Шпитцберг и Мюльберг. 60.000 союзников (42.000 русских и 18.000 австрийцев) стоят против 48.000 пруссаков. Позиции русских укреплены фасом на север, но Фридрих обтекает русский боевой порядок. Салтыков принужден сделать «кругом». Выстроенные укрепления брошены.

В 9 ч. утра прусская артиллерия начинает

громить Мюльберг, а в 11 ч. занимающие Мюльберг войска князя Голицына подвержены концентрической атаке. Мюльберг взят, и русские отброшены на Ротверк. Немедленно после этого Фридрих атакует Шпитцберг и после жаркого боя прочно утверждается и на этой возвышенности. Шел третий час дня. Пруссаки отбили половину русских позиций. Фридрих посылает в Берлин гонца с известием о победе.

В этот момент Салтыков узнает, что пруссаки заняли в его тылу город Франкфурт и овладели обоими мостами на Одере, отрезывая

русским все пути отступления. Велико отчаяние Салтыкова. Болотов пишет: «Старец, который нами командовал, соскочил с лошади, пал на колени и, подняв руки к небу, в присутствии всех, со слезами на глазах обратился с молитвой к Всевышнему, прося Его прийти к нему на помощь и спасти его людей от верной гибели. И возможно, что молитва, которую добродетельный старец обращал к небу от чистой своей души, была услышана, так как очень скоро произошло то, что никто не мог предвидеть и на что никто не мог уже надеяться».

Атакуя северную оконечность Шпитцберга, пруссаки встречают непреодолимое сопротивление пяти русских полков. Они отброшены к Эльс-Буш. Прусские колонны центра, предводимые лично королем, расстроены смертоносным огнем Шуваловских единорогов и опрокинуты яростной атакой войск Берга. Русская конница обращает в бегство кавалерию герцога Виртембергского. Тогда Фридрих бросает на Шпитцберг кавалерию Зейдлица и под прикрытием ее устраивает свою пехоту. Но кавалерия Зейдлица разгромлена русскими пушками и отбита пехотой. Сам Зейдлиц ранен. Кавалерия укрывается за свою пехоту, но в этот момент, на всем фронте, русские бросаются в штыки. Одним ударом враг опрокинут. Тщетно, со знаменем в руках, Фридрих пытается восстановить порядок. Пруссаки обращены в паническое бегство.

Тьебо пишет: «Когда жалкие остатки его армии поспешно отступали, Фридрих оставался неподвижен под смертельным огнем русских батарей. Его адъютант подхватил его коня за узду и заставил его покинуть поле боя. Я видел многих офицеров, которые присутствовали при этом. Они были уверены, что он искал смерти».

Потери пруссаков достигали 20.000, 28 знамен и 172 пушек. Русские потеряли 13.000, австрийцы — 1.400.

«Мое горе — еще жить, писал Фридрих. Из армии в 48.000 у меня не останется и 3.000. Все вокруг меня бежит. По правде сказать, я считаю все потерянным».

И когда, волею восшедшего, по недоразумению, на русский престол Петра III, война с Пруссией была окончена, и все русские завоевания были безвозмездно возвращены Фридриху, Прусский король сделал две записи:

«Никогда не следует строить свои предприятия на предполагаемых слабости или неумении врага» и «Россия грозная держава, через сто лет она заставит дрожать Европу». В чем он, все таки, ошибался ровно вдвое, так как «задрожала» Европа на 50 лет раньше.

Но полезно вспомнить и другие качества русской армии.

К стойкости, храбрости и дисциплине, она прибавляла и, редкое в те времена, человеколюбие, которое из века в век воспитывала в русском народе Православная вера. Вот что пишет генерал Панин:

«Не без удивления видели мы своими глазами многих наших легко раненых солдат, выносивших на своих плечах из боя раненых пруссаков. Они делились с поверженным врагом своим хлебом и водой, в которых сами ощущали недостаток. Казалось, они хотели пристыдить наших клеветников-врагов, которые обвиняли нашу армию в отсутствии дисциплины и человеколюбия».

А вот, что отмечает о пребывании русских в Берлине свидетель француз Тьебо: «И эти, так называемые «поджигатели Восточной Пруссии *)» оказались значительно более дисциплинированы, более умерены и куда менее варвары, чем австрийцы. Многим семьям, особенно тем, которые были рекомендованы знаменитым Эйлером, были даны охранные грамоты. Контрибуция, наложенная на город, была ничтожна, все общественные памятники строго охранялись. Я присутствовал при экзекуции священника, совершившего какую-то проказу, причем генерал почтительно облобызал его руку до и после порки».

В те далекие, грубые и часто жестокие времена, Русская Армия была, все таки, «Христолюбивым Воинством» и командовали ею офицеры-дворяне, не только пропитанные тем же христолюбивым духом, что и их солдаты, но еще и известным рыцарством, которое из покоя веков отличало лучшую часть русского дворянства.

С. Андоленко

*) Другой француз, Ваддингтон, пишет: «В конце концов русский режим в Восточной Пруссии не был тяжелым. Местные свободы уважались, контрибуции были ограничены».

Из прошлого Кавалергардов

СМЕРТЬ ПОЛКА

26-го октября 1917 года в № 246 газеты «Армия и Флот Свободной России», так назывался тогда «Русский Инвалид», было помещено следующее объявление: «В 7 часов утра 25 октября председатель Временного Правительства Керенский отправился по де-

лу ч резвычайной важности на фронт». Начался большевицкий переворот. 27 октября большевики захватили власть и образовали Совет Народных Комиссаров. Под лозунгом «Война — войне» был объявлен декрет о заключении мира и о немедленной демобилизации.

Все эти сведения, так же как известие об убийстве в Ставке генерала Духоница и о бегстве генерала Корнилова из Быховской тюрьмы, были получены в штабе полка в Казатине несколько дней спустя.

К 1 ноября 1917 года в Кавалергардском полку оставалось всего четыре кадровых офицера: временно командующий полком ротмистр Воеводский, помощник командира полка ротмистр Звегинцов, полковой адъютант штабс-ротмистр св. князь Ливен и штабс-ротмистр Чичерин.

3 ноября в Казатин приехал полковник 8 драгунского Астраханского полка Абрамов, присланный, чтобы вступить в командование полком. До этого времени Абрамов находился в прикомандировании к Ораниенбаумской стрелковой и пулеметной школе. Этим вероятно объясняется, что он привез с собой и передал в полковой комитет нечто вроде рекомендации, выданной ему исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов города Ораниенбаума и Ораниенбаумской школой. В этих документах, помещенных в красный сафьяновый переплет, Абрамов выставлялся, как истинный друг народа и верный поборник прав и завоеваний революции, и выражалась уверенность, что товарищи-солдаты оценят своего нового товарища-командира и под его водительством дружно станут на защиту советского правительства.

В день своего приезда в Казатин Абрамов собрал общий митинг, на который офицеры им не были приглашены. На митинге он передал председателю полкового комитета привезенные с собой бумаги, после чего обратился к солдатам с пространной речью, уговаривая их подчиниться советской власти и вынести, тут же

на митинге, соответствующее постановление

Однако, такое постановление вынесено не было. Кавалергарды прямо ему сказали, что по этому вопросу они хотят прежде поговорить со своими старыми офицерами. Тогда, немедленно после митинга, Абрамов послал оставшимся четырем офицерам предписание: «С получением сего немедленно отправиться в Киев и поступить в распоряжение начальника штаба 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии».

Сто девяносто три года прошло со времени основания Петром Великим кавалер-гвардии. Сто девяносто три года несли Кавалергарды верой и правдой службу своим Государям, помогая им строить Великую Российскую Империю. И наступил, наконец, тот день, когда первый полк русской конницы прекратил свое существование.

Не стало больше того полка, про который, на заре его боевого существования, один из величайших полководцев мира, Император Наполеон I, сказал, обращаясь к раненым офицерам полка после битвы под Аустерлицем: «Votre régiment a fait noblement son devoir». (Военно-учебный архив № 1555 и 1555 А). Не стало больше того полка, про который, в сумерках его боевой славы, разведка Верховного командования противника писала: «Forzügliche Truppe» (Nachrichtens Abteilung des D.O.K. Die Russische Armee Anfang 1917).

С отъездом последних офицеров порвалась последняя связь с прошлым. Душа полка отлетела. Полк умер.

Поезд в Киев отходил около пяти часов, и было достаточно времени, чтобы собрать и уложить то небольшое имущество, что имели офицеры при себе. Через денщиков и вестовых отъезд их стал известен людям, и ко времени отхода киевского поезда на Казатинском вокзале собрались почти полностью все три эскадрона стоявшего там дивизиона и полковые тру-бачи.

С какой-то смущенной неловкостью люди старались чем-нибудь услужить своим офицерам. Очистили в вагоне отдельное купе и переташили туда все их вещи. Кто-то принес и положил в купе хлеб, масло, варенье и бутылку вина. На лоскутке бумаги солдатской рукой было написано карандашом: «Кушайте на здоровье. Спасибо за все и простите».

Плотной толпой теснились солдаты перед вагоном. «Прощайте Ваше Высокоблагородие! Прощайте Ваша Светлость! Счастливого вам

пути! Не поминайте лихом! Дай вам Бог счастья!»! У многих, у очень многих, на глазах были слезы.

С трудом сдерживая охватившее их волнение, офицеры прощались со своими людьми. Пробил третий звонок. Кондуктор свистнул. Протяжно ответил ему паровоз. Из среды солдат выступил вперед № 1-го эскадрона Ялакас и громко крикнул: «А ну-ка, хлопцы, нашим господам офицерам в последний раз «ура». Люди дружно подхватили. Трубачи заиграли полковой марш... Поезд медленно двинулся вперед, увозя последних Кавалергардов продолжать свой крестный путь

служения России. Полк умер.

Все чаще и чаще стучали колеса вагонов. Быстрей мелькали, утопая в наступающей ночи, огни станционных построек. Поезд набавлял ходу. Вдруг в открытое окно вагона, словно последнее благословение умирающего полка, порывом ветра донесло последнее, заключительное колено полкового марша:

Chevaliers-Gardes, prenez garde,
La Dame Blanche vous regarde.
Chevaliers-Gardes, prenez garde,
La Dame Blanche vous entend.

В. Н. Звегинцов

Отец Федор

Из боевой жизни 40 пехот. Колыванского полка

— Какие новости? — Спросил я своего старшего посыльного, добровольца Органова, только что пришедшего из штаба полка с приказами и почтой.

— Садитесь, пейте чай и рассказывайте.

Органов, в 19 лет, был очень высок и ему в землянке приходилось стоять слегка согнувшись, поэтому я и поспешил его усадить. Денщик подал ему стакан чая, подвинул коробку с печеньем (неизбежный «Альберт»), сахарницу и коробку с папиросами и отошел «заряжать» окопную печку, ярко горевшую в углу.

— Разрешите сначала закурить? — попросил Органов. — Курите — разрешил я ему.

Органов сделал две-три затяжки и начал:

— Собственно, нового и там мало. Командир нашего батальона опять заболел и уезжает в отпуск. В штабе полка говорят, что надо ожидать на днях хорошего боя. Он это заранее чув-

ствует и без ошибки предвидит, когда ему надо заболеть. А к командиру полка неожиданно приехала жена, и он сбежал от нее в окопы, но она взяла с собой нового нашего священника, пошла разыскала его и привела в штабную землянку. Да, вот чуть не проморгал. Говорю о новом священнике, а не сказал, что и он приехал. Зовут его отец Федор, ростом пониже меня, но тоже высок, цвет волос каштановый, говорит басом, но из себя можно сказать — ничего себе. К тому же и молодой, лет 30-35 всего и, кажется, не трусливый. Его с собой повела по лесу мать-командирша, когда командира то искала, а он идет и только, когда наткнется на труп, то говорит: «Господи помилуй, опять убитый не убран, да сколько же их тут?» А на пули и разрывы снарядов как будто и внимания не обращает. Ермилов их водил, так говорит: «этот батюшка нашему полку как раз подходит, пото-

му что не сдаст в тяжелую минуту. Настоящий батюшка, стоящий». А ведь Ермилов с начала войны в полку. Старый унтер, дело понимает. Да, вот еще, тоже чуть не забыл. Вчера 12-ая рота нашла нашего рядового Попова. Ходил он ночью на разведку по своему желанию, не спрашиваясь — ну, его в ногу и хватили. Он сутки провалялся между окопами, а сегодня под утро вылез на 12-ую роту. Ему кость пробили, но доктор смотрел, так говорят — починка на 4 месяца, а нога опять будет действовать.

Органов напилась чаю, взял на дорогу папирос и ушел в свою землянку к посыльным.

Новый священник заинтересовал меня. Разговаривая по телефону с соседями, вижу, что они интересуются им.

В однообразной боевой, позиционной жизни всякое новое лицо в полку уже вызывает интерес, особенно член нашей офицерской семьи. Через два дня сосед справа сообщил мне о новом священнике интересную новость: он задумал собрать и похоронить всех убитых в нашем районе. А стояли мы тогда на Равке подле города Бялы в знаменитом Конопницком (или Якубовском) лесу. Там дралась Варшавская гвардия, а затем и наши два полка, и на площади в два квадратных километра леса лежало убитых около 4.000 человек наших и, пожалуй, вдвое больше немцев. Весь этот лес простреливался насквозь ружейным огнем беспрерывно и целые сутки «долбил» огнем «на истощение» немецкой тяжелой и легкой артиллерией. И вот наш новый «батя», взяв с собой погребальную команду в 12 человек нестроевых 42 и 43 летнего возраста, отправился с нею собирать убитых. Начали они с тыла, но через час уже он остался один. Вся его команда понемногу разбежалась. Потом он выводил еще два раза на это дело свою команду, но, несмотря на его увещания, результат получился все тот же.

Вот об этом и шли теперь разговоры в полку между офицерами и солдатами. Все одобряли нового священника и порицали его команду. Через три дня после этого наш батальон перешел в полковой резерв. Придя в офицерское собрание, я познакомился с новым священником. Он был избран хозяином собрания и умело и старательно принялся улучшать офицерский стол. На вопрос нашего старшего штабс-офицера: «А как идет у вас, батюшка, дело со сбором убитых?» — отец Федор сказал: «Пока, временно, пришлось прекратить, но я этого не оставлю и теперь вновь возьмусь за это, но уже с другого конца. Да, да, не оставлю, нельзя же с убитыми воинами Христовыми так поступать. Лежат непогребенные. Нет — так невозможно».

Новый священник, видимо, всем понравился.

Прошло несколько дней. Наступило Рождество Христово. Два резервных батальона пошли на литургию, которую служил наш священник на восточной окраине леса. Наступил момент малого выхода. Вдруг откуда то слева, наискось, затрещали два немецких пулемета и, несмотря на большую дистанцию, пули посыпались на молящихся.

— Ложись! — крикнул басом новый священник. Солдаты по этой команде моментально легли. Наступила тишина. Только громко стоял один раненый в шею.

— Унести раненого! — скомандовал опять священник и вслед за тем, положив евангелие на голову командира полка, начал уверенно, спокойно и громко читать его.

Через три-четыре минуты стрельба прекратилась.

— Встать! — Раздалась опять команда полкового священника. Служба продолжалась и окончилась благополучно. В обед этот случай обсуждался в собрании, и всем очень понравилась находчивость и мужественное поведение священника.

1-го января 1915 года у нас произошел тяжелый лесной бой. Немцы, сосредоточив в своей части леса три полка гвардейской резервной гренадерской дивизии, неожиданным ударом смяли наш второй батальон и вышли в тыл остальным. Дружным ударом в штыки встретили их остальные колыванцы. Два резервных батальона прибежали бегом на помощь. С первым же прибывшим батальоном прискакал на неоседланном ординарческом коне командир полка и прибежал запыхавшийся полковой священник. Он увидел страшную картину штыкового боя и на минуту, казалось, остолбенел от ужаса. Прислонившись спиной к сосне, он стоял и часто крестился. Но вот около него упал с простреленной головой командир 4-ой роты капитан Григорьев, успевший только крикнуть: «Вперед, четвертая, нажимай сильнее!».

Это как будто пробудило священника. Он бросился к убитому, попробовал его поднять, но, увидев рану во лбу, вдруг понял все. Тогда он снял свой наперстный крест, высоко поднял его и, крича во всю силу своих легких: «Вперед, четвертая! Нажимай сильнее!» — бросился вперед. Очнулся — как рассказывал он потом сам, — только около речки Равки, уже в тылу немецких окопов, когда двое солдат схватили его за полы рясы и потащили назад, говоря: «Назад, батюшка, в лес, сейчас он начнет нас снарядами засыпать».

И, действительно, немцы открыли убийственный огонь. Но дело было уже сделано. Немцы были выбиты из леса, взято 18 немецких пулеметов и около 300 пленных. Это был второй штыковой бой нашего полка в 1-ую Мировую

войну. Мы потеряли четырех убитыми и одиннадцать офицеров ранеными, около 300 солдат убитых, 1.200 раненых и 70 солдат попавших в плен. Это были у немцев первые пленные из нашего полка, но они достались им очень дорого. Их потери в этот день втрое превышали наши.

Вечером, после похорон убитых, мы собрались в офицерском собрании, где по приказу командира полка был приготовлен обильный, парадный ужин. Перед ужином командир полка поставил на голосование общества офицеров два вопроса и покинул собрание, как и священник, вышедший похлопотать о закуске. Вопросы были следующие: «1) Не пора ли командиру Н батальона дать трехмесячный по болезни отпуск с тем, чтобы он затем в полк не возвращался, а приискал себе безопасное место, более подходящее его натуре и 2) считать нового священника полноправным членом полковой семьи.»

По обоим вопросам подсчет голосов дал положительные результаты. Пригласили командира полка, и старший штабс-офицер прочел ему ответы, затем командир полка приказал вызвать священника, прочитал ему постановление общества г.г. офицеров и поздравил его с представлением к ордену Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом. Отец Федор поблагодарил и добавил — «только вот знаете, г. полковник, меня смущают мечи к ордену. Как то наше духовное начальство на это посмотрит? Мне мой сан запрещает воевать, а тут мечи?». — Но ему разъяснили, в чем дело, и он успокоился.

Ужин окончился. Подали огромный турий рог, оправленный в серебро (подарок полку от первого его шефа кн. Шереметьева) и поднос с чарочками — на подносе самим Петром Великим была выгравирована надпись: »3 роте Ко-

ломенских рекрутов генерала Миллерова мушкатерского полка за взятие ею шведского корабля. Петер Примус.»

Этот рог с чарками ежегодно обходил весь полк после присяги молодых солдат, а затем из них пили при приеме нового полкового члена — г.г. офицеры полка. Командир полка предложил всем выпить за здоровье священника отца Федора и под звуки нашего оркестра, заигравшего полковой марш, командир поздравил и расцеловал его.

На другой день, за обедом, отец Федор поблагодарил еще раз г.г. офицеров и командира и сказал нам: «Вот говорят, что три радости в день не бывает. А у меня вчера было целых четыре. Во-первых, меня порадовал наш полк, который так молодецки выбил немцев из леса, во-вторых — командирская награда, орден Св. Владимира, в-третьих — вы, г.г. офицеры дружеским отношением ко мне, в-четвертых — Жировецкого мужского монастыря епископ Гермоген своим письмом, в котором, посылая мне свое благословение, пишет, что шлет сюда о. иеромонаха Иоаникия с 18-тью монахами и послушниками для погребения убитых в нашем лесу. Вот как говорится «я возвеличен был zelo, даже превыше своего естества».

На это, по предложению полкового адъютанта, выпили еще раз за здоровье полкового священника.

**

К моменту окончания войны и революции, он получил все боевые награды, включая и золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Мы не ошиблись. Отец Федор оказался образцовым полковым священником.

Колыванец

Из эмигрантских встреч

В разных обстоятельствах жизни, бывают встречи более или менее интересные и, даже, в нашей маленькой эмигрантской неразбихе, попадают такие маленькие случаи, которые, иной раз, ведут к интересным и большим, в нашей жизни, последствиям. Последствием одной из таких интересных и забавных встреч, в жизни русского эмигранта, является украшение стен Собрания Обще-Кадетского Объединения прекрасными полковыми фотографиями.

Это было давно. В тридцатых годах, я был в Париже моторизованным извозчиком — шоффером такси. В один, скорее прекрасный по своим последствиям, день, нанял меня не-

большого роста невзрачный клиент. При сопоставлении адреса — еврейский квартал Сен-Поль — и наружности клиента сомнения были отменены, и, услышав вопрос «а вы русский?», я не был ничуть удивлен.

«Вы, вероятно, офицер? Какого полка?» Не имея никакой охоты вступать в «интимные разговоры», я сухо ответил «да, офицер». — «А какого же полка?» По тем-же причинам, я пробурчал под нос что-то невнятное. «А где-же вы, посподин офицер, стояли?» «В Седлеце», машинально ответил я. «Как? Вы из Седлеца? да, может быть, вы господин офицер Нарвского гусарского полка? Да неужели же это может быть? И вы везете меня по Парижу? Да что-

же это? Действительное светопредставление!»!

Я притормозил машину, обернулся и вижу старый еврей сложил руки и, с умилением, прямо молитвенно, смотрит на меня. Из дальнейшего разговора выяснилось, что еврей этот был фотографом в Седлеце и поставщиком «господ офицеров, как он выражался, по разным и всяким частям». Он, с умилением, называл фамилии полков, их командиров, эскадронных, по номерам их эскадронов. «Ведь это наш полк», взволнованно говорил старый еврей, и слезы блеснули на его глазах.

Короче говоря, я получил приглашение приехать к нему на следующую субботу на «рыбу-фиш». По окончании рейса, возник некий конфликт, ибо я категорически отказался взять с него плату. Он настаивал и, на мой окончательный отказ, он отвесил низкий поясной поклон, и субботняя встреча была узаконена.

В следующую субботу, я оказался перед великолепно сервированным столом, украшением которого являлась знаменитая «фаршированная щука». Многочисленное потомство моего нового друга ожидало меня в столовой, во главе с его почтенной супругой в черной кружевной наkolке, с выбивавшимися из-под нее седыми прядями волос.

«Вот, Сарра», обратился мой старик к жене и ко всему семейству: «это господин офицер нашего Нарвского гусарского полка, из нашего города. Полку этому, господам офицерам и мой отец и я верно служили всегда и вот теперь, что я вижу: господин офицер — шофер такси и привез меня ко мне домой. А вот это, господин офицер, мои дети и внуки... Цыц вы... кланяйтесь господину офицеру!!! А теперь, Сарра, пригласи нашего господина офицера выкупать стаканчик пейзаховки и закусить вместе с нами».

Саррочка говорила по-русски хуже его, и потому все остальные тосты и чарочки провозглашал супруг. Тут были здравицы за Седлец, за господ офицеров вообще, за Нарвский полк, причем немедленно он пояснил своему потомству, что «Нарвский полк — это был первый полк и второго такого в России не было и что и он, в качестве фотографа, и его отец, в качестве полкового фактора, верно и нелицемерно этому полку служили, и мне, персонально, по этому счастливому случаю, он желает здоровья и благополучия. По его морщинистому старому лицу, по усам и бороде текли слезы, руки дрожали, и было ясно, что старик искренно переживает прошлое.

Угощение шло бесконечно. Чего только на столе не было! Соленые и маринованные огурцы, грибки всех сортов, кильки, селедки, баклажаны, всевозможные пирожки. Прибавьте к этому пресный белый пшеничный еврейский

хлеб и ржаной черный. Симфония продолжалась долго.

Наконец, хозяин вышел в соседнюю комнату и вернулся с тремя свитками: это были, слегка пожелтевшие, но прекрасно сохранившиеся фотографии. На первой изображен 13 гусарский Нарвский полк, в конном строю, со штандартом, на полковом плацу в 1909 году, в Седлеце, в день празднования 200-летия полка (основан в 1705 г., но празднование отложено из-за беспорядков 1905 года). Командир полка полковник Н. Н. Казнаков, а впереди командир полка времен Русско-турецкой войны, сын великого русского гения, генерал А. А. Пушкин. «Это же я фотографировал... И все видел собственными своими глазами, и все фотографии раскупили господа офицеры-гусары, и вот теперь одна осталась, которую вы, господин офицер, возьмите себе и покажите другим господам-офицерам, кто еще жив». Так говорил мне старый фотограф. Обращаясь к своим потомкам, он пояснил, что его не только господа офицеры Нарвского полка знали, но и весь Седлец и даже Варшава, где он фотографировал казаков-оренбуржцев и конную артиллерию.

Второй свиток был группа офицеров 13 драгунского Военного Ордена полка в Гарволине, так же в день двухсотлетнего юбилея полка, во главе с командиром полка полковником Кономаховым. Третья представляла собою 2 Оренбургский Воеводы Нагого полк Оренбургского казачьего войска. «Вот здесь», пояснял хозяин, «ихний командир полка генерал Хлебников, по прозвищу Берди-Паша, которого ужасно все боялись и казаки, и евреи. И вот здесь, он сидит на могучем иноходце киргизском, который был просто как лева, и я его хорошо знал, а казаки его были многие прямо как киргизы, с косыми глазами как китайцы, и были они на маленьких гнеденских кониках, с большими пиками и ужасно страшными нагайками». Нужно сказать, что любезный фотограф все время величал меня бароном, вероятно памятуя что у нас в полку служило всегда много прибалтийских баронов.

Возвращаясь к первой бригаде, мой милейший хозяин пожалел, что у него пропала группа Владимирского полка, «самого старого уланского», как любезно пояснил он мне. «И на группе-то их командир, такой знаменитый барон Маннергейм... «А наша 21-я конная батарея стояла в Варшаве и командовал ею лихой капитан Сарандинаки, и тоже фотография ее пропала, и мне очень это жаль... не могу сейчас вам ее подарить...»

Меня поразила изумительная память старика, в которой запечатлелись не только фамилии командиров полков, но и батарей и эскадронов. Получив в руки такие редкие и бесценные

фотографии былой славы Российской Императорской кавалерии, я решил купить их но получил категорический отказ. «Я знаю», сказал он, «что эти фотографии очень дорогие, и вот я их вам дарю и очень рад, что встретил в Париже настоящего нашего старого офицера, который любит наш полк, так же как и я сам любил свою фотографию и свой родной Седлец и все что с ним связано. Я счастлив вам их подарить и пожелать вам доброго здоровья на многие и многие годы».

Поблагодарив любезного хозяина, я ушел от него, сопровождаемый низкими поклонами седлецкого фотографа и всей его многочисленной

семьи.

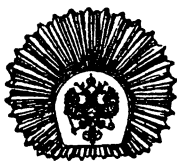
В настоящее время, все эти три фотографии находятся в Музее Обще-Кадетского Объединения и украшают собою стены Кадетского Собрания в Париже. Я уверен, что мой однокашник и товарищ по выпуску (165 из Первого к. к.) Алексей Алексеевич Геринг, Председатель Обще-Кадетского Объединения во Франции, сумеет сохранить их до лучших дней, а каждому кадету, посещающему наше Собрание будет теперь известна история этих прекрасных фотографий.

13 гусарского Нарвского полка
ротмистр Глеб Байков.

В Орловском - Бахтина Кадетском Корпусе

Из воспоминаний Ген. лейт. Е. А. Милодановича

(Окончание)

Жилось нам в корпусе, вообще говоря, очень хорошо, но жизнь эта была очень однообразная. Поэтому все мы были довольны, когда что-нибудь выбивало нас из обычной колеи, даже такой случай, когда сильная гроза с градом выбила у нас почти все стекла в классах. В этот день в классах не могло быть занятий, и мы провели его в камерах и залах.

Начальство старалось развлекать нас. Как я уже упомянул — водило кадет по царским дням в театр, устраивало балы и концерты. Добавлю, что, когда в Орел приезжал известный хор Славянского, его всегда приглашали в корпус для концерта кадетам. Дважды, за мое пребывание в корпусе, этот хор пел у нас в церкви за обедней. Бывали концерты и своих кадетских сил.

Разнообразие неприятного свойства вносили болезни. Стоило кому-либо из приходящих кадет занести к нам какую-нибудь заразу, как она моментально распространялась, и лазарет наполнялся больными. Я тоже не избежал и переболел корью, ветряной оспой и скарлатиной.

С некоторыми из моих товарищей у меня установилась прочная дружба. К числу моих друзей, кроме вышеупомянутого Мелихова, принадлежал Алексей Александрович Российский, третий сын многочисленной семьи командира резервного батальона в Орле. Он был, если можно так выразиться, моим «математическим» другом: мы оба любили математику и решали наперегонки, для собственного удовольствия, бесконечное число задач и примеров.

Когда я поступил в корпус, Российских у нас было четверо — по одному во всех нечетных классах; на следующий год — трое в четных, а

затем — опять четверо, в нечетных. Все они обладали хорошими способностями. Старший, Михаил Александрович, окончил потом Михайловское училище и академию; он был и поэтом.

Все трое старших поступили и окончили одновременно со мной Николаевскую Академию Генерального Штаба и служили по Генеральному штабу. Со средним братом, Евгением Александровичем, мы одновременно командовали полками 27-ой пех. дивизии, стоявшей тогда в Вильне (1908-1913 годы). Судьба Михаила мне неизвестна. Евгений закончил службу в должности начальника дивизии и умер в эмиграции перед II-ой Мировой войной.

Алексей Александрович, после командования полком, получил Владикавказский кадетский корпус и в этой должности, в чине генерал-майора, скончался еще перед революцией 1917 года. Замечу, что их сестра окончила университет по математическому факультету.

Большим моим другом был Николай Дмитриевич Мартос, кадетской кличкой «Апис». Он был переведен к нам в 3-й класс из Киевского корпуса, когда его отец был назначен уездным воинским начальником в Орел. К моему большому сожалению, связь между нами по выпуске из корпуса совершенно оборвалась. Я не видел его больше никогда и не слыхал о нем ничего.

В 6 классе корпуса, по усиленной просьбе кадета Курносова I и его родителей, я занимался с ним математическими предметами. Курносов остался в этом классе на второй год и попал в наше отделение, где был и его младший брат Курносов II.

Я всегда охотно помогал моим товарищам*), но тут дело носило уже более серьезный харак-

тер, а потому я согласился на занятия с ним за вознаграждение. Его отец платил мне 20 рублей в месяц⁶⁾ — по 5-ти рублей за каждый предмет. Это были первые деньги, лично мной заработанные, и они пришлись мне очень кстати.

У меня были золотые часы с открытой крышкой. На ночь я их клал обычно под подушку и, когда однажды забыл их вынуть, они бесследно исчезли. Это было, конечно, очень неприятно. Неприятно и потому, что я привык пользоваться часами вообще. И вот, первую же получку я употребил на покупку часов, серебряных, а из второй — выписал для отца известный иллюстрированный еженедельник «Ниву» (с массой приложений — полных собраний сочинений лучших авторов), что было для него большим сюрпризом, которым не пришлось ему долго пользоваться.

В начале 1883 года мой отец серьезно заболел. В начале февраля я получил из дому телеграмму и письмо моей двоюродной тетки*) из села Ржавец (Прилуцкого уезда Полтавской губернии) с более подробными сведениями о болезни. С этой телеграммой и письмом я пошел к директору с вопросом, что мне делать: просить ли разрешения у него ехать домой, или ожидать дальнейших известий?

Внимательно прочитав и телеграмму, и письмо, директор сделал правильный вывод, что мой отец уже скончался, но мне не хотели сообщить об этом сразу. Директор разрешил мне также пойти к тетке Т. Зубовой и посоветоваться с ней. Ее мнение совпало с заключением директора и я остался в Орле.

И директор, и тетка были правы: и телеграмма и письмо были посланы уже после кончины отца, который умер рано утром 5-го февраля 1883 года, о чем мне было сообщено дополнительно. Похоронен он был на хуторе, на нашем фамильном кладбище.

В начале мая 1884 года у нас начались выпускные экзамены. Они производились не в классах, как переходные, но в конференц-зале и обставлены были известной торжественностью. Кадеты были одеты не в бушлаты, а в мундиры. По каждому предмету было по 2-3 экзаменатора, которые сидели за большим столом, под портретом Государя Императора. На всех экзаменах за столом сидел директор корпуса и инспектор классов.

В этому году вместе с нами держал экзамен по курсу корпуса один из уездных предводителей дворянства, не имевший образовательного ценза среднего учебного заведения. Держал экзамен одновременно и его сын, наш кадет, и после каждого экзамена они обменивались вопросами, как он сошел.

Экзамены закончились 31-го мая, и мы разъ-

ехались по домам на каникулы. В этом году все кадеты Орловского корпуса были назначены во 2-ое военное Константиновское училище, кроме тех, которые поступали в специальные. Я и Мамонтов подали прошения в Михайловское артиллерийское училище, но попадем ли мы туда, мы еще не были уверены, хотя и трудно было бы предположить, чтобы у нас, при наших баллах, могло найтись много соперников.

Уже летом, дома, я получил из корпуса уведомление, что туда принят и должен явиться в училище 31-го августа, а, если не хочу ехать одиночным порядком, топ усть явлюсь в корпус 23-го августа, когда в Петербург поедут все кадеты под общим командованием подполковника Потоцкого.

Я выбрал последнее (и Мамонтов, не сговариваясь со мной — тоже).

Из рукописи извлек:
В. Е. Милоданович

*) Примечание: Один из них, приходящий (т. е. живший у родителей) приносил мне за это нередко осенью очень вкусные антоновские яблоки (таких вкусных яблок, какие были в Орле, мне никогда не приходилось есть!), иногда — моченые, а другой — кочерыжки капусты.

*) Эта тетка, Александра Дмитриевна Ревуцкая, была очень умной, образованной женщиной. Была и большой поклонницей учения Льва Толстого («толстовка»). Вела знакомство и с Толстым, и с его другом художником Николаем Николаевичем Ге, проживавшим в своем имении недалеко от упомянутой выше станции Плиски. От нее я получил для прочтения в рукописи «Исповедь», «В чем моя вера» и др. произведения Толстого.

Она управляла довольно большим имением, принадлежавшим ей и ее сестре, врачу Надежде Дмитриевне Персидской. Свои поля она объезжала верхом, сидя на коне по-мужски, в высоких сапогах (в 80-х годах XIX столетия!), а вместе с тем очень хорошо и «с душой» играла на рояли, и это свое дарование передала младшему сыну.

Их у нее было двое: Дмитрий Николаевич, окончивший университет св. Владимира, впоследствии — учитель гимназии в Киеве же. В 1942 году, после занятия Киева немцами он был убит большевиками вместе со своей женой, в своей квартире. Младший, Лев Николаевич⁷⁾, окончил юридический факультет того же университета и Киевскую консерваторию. Он — известный в СССР композитор. Его жена, между прочим, — София Андреевна, так что имена этой четы вполне отвечают «толстовским» вкусам Александры Дмитриевны.

Примечания Всеволода Евгеньевича Милодановича

¹⁾ Александр Васильевич Милоданович (1820-1883), штабс-капитан. Окончил Первый кадетский корпус в Петербурге и вышел оттуда прапорщиком в 47-ой пех. Днепровский полк, с которым участвовал в Венгерской и Севастопольской кампаниях. На Малаховом Кургане английское ядро оторвало ему правую руку до плеча. Выйдя поэтому в отставку, он проживал в своем хуторе Мельниковщина Прилуцкого уезда Полтавской губ. и занимался сельским хозяйством.

²⁾ Быть может и хорошо, но не по современному понятию.

³⁾ Такой режим в отношении пленных тоже не отвечает современным понятиям. Исключение: в Словакии пленные американские летчики жили тоже в отеле и посещали театры и кафе.

⁴⁾ Известный артиллерийский генерал. В чине генерал-лейтенанта и должности начальника артиллерии армии на Северном фронте убит бомбой немецкого самолета в 1917 году.

⁵⁾ В чине генерал-майора и должности начальника штаба корпуса убит в сражении под Танненбергом в 1914 году.

⁶⁾ Для сравнения: произведенный в 1887 году в подпоручики, отец получал в месяц 47 рублей 33 копейки.

⁷⁾ С Львом Николаевичем Ревуцким я встретился лишь однажды, но настолько оригинально, что об этом стоит упомянуть.

Летом 1918 года я подымался по Прорезной улице в Киеве и уже хотел повернуть на Владимирскую, когда меня остановил шедший за мной господин.

— «Вы не имеете никакого отношения к генералу Милодановичу?» — спросил он меня. Удивленный таким вопросом, я все же «сознался», что прихожусь этому генералу сыном.

— «Итак, я не ошибся», с удовольствием сказал незнакомец: «я — Ревуцкий, Лев Николаевич».

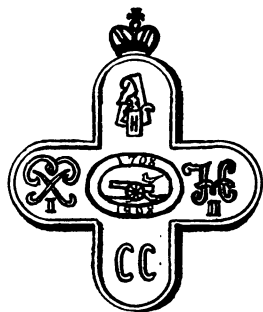
— «Но как вы могли узнать меня, никогда не видав меня прежде, да к тому же сзади?» — спросил я.

— «Отцовский рост, фигура, походка и артиллерийская фуражка к тому!»

Я воздал ему хвалу за такую наблюдательность.

В. Милоданович

Из воспоминаний старого улана пеходный КАВАЛЕРИЙСКИЙ ЗАВТРАК

В Виленском военном округе, окружные маневры 1913 года окончились грандиозной конной атакой десяти кавалерийских полков на наступающую пехоту. Был ли то основательно и детально разработанный план маневра, с использованием для атаки местнос-

ти, или просто случай — не знаю, но атака удалась блестяще. Картина была действительно изумительная. За раздавшимся откуда-то кавалерийским сигналом, подхваченным десятками трубачей, сравнительно ровная местность, с разбросанными по ней лесками и перелесками, покрылась внезапно тысячами всадников, несущимися со всех сторон с пиками на перевес и сверкающими на солнце обнаженными шашками на обомлевшую пехоту. Дрожала земля и нарастающий гул «ура», смешавшись с сотней других различных звуков, напоминал гул приближающейся бури, вызывая мурашки по коже.

Очевидная неожиданность и реальность ма-

невра были так ошеломляющи, что в первый момент пехота как бы застыла, очарованная захватывающей картиной. Но это был только момент, и она открыла «убийственный» огонь по атакующей ее коннице, покрытый, в свою очередь, громоподобным огнем двадцати четырех конных орудий наших лихих конных батарей.

После двухдневного отдыха для нас, — 2-ой и 3-ей кавалерийских дивизий и 1-ой отдельной кавалерийской бригады, всего десять полков — начались специальные подвижные кавалерийские сборы, продолжавшиеся почти полтора месяца. Генерал фон Ренненкампф, присутствовавший лично на сборах, требовал от конницы большой подвижности и старался искоренить «взгляды» старых эскадронных командиров, видевших в «круглых телах» лошадей главную «силу конницы». Не один из этих «ворчлых стариков» был принужден по окончании сборов «по воле начальства» подать в отставку. Для нас же, тогда молодых офицеров, сборы эти были весьма интересны и поучительны и дали немало практического опыта, в особенности по службе разведки.

Наконец, в первых числах октября, с на редкость хорошей и теплой осенней погодой, наступил и для нас «последний аккорд». После весьма серьезной тактической задачи полки были отпущены на свои квартиры, а все г.г. офицеры собрались для «разбора», на котором присутствовал и сам генерал фон Ренненкампф. На сей раз разбор продолжался недолго и окончился заключительными словами командующего войсками округа, выразившим, в общем, свое полное удовлетворение прошедшими сборами и пригласившего всех на «легкий походный кавалерийский завтрак».

Довольные благоприятным исходом сборов, все двинулись шумною толпой к расположенному недалеко леску. Больше всех суетилась волновалась «молодежь» — ведь сколько друзей и приятелей, однокашников по корпусам и «школам», «корнетов и сугубых», свела судьба вместе, к этому загадочному завтраку, о котором уже несколько дней носились таинственные слухи. У каждого имелись во всех полках друзья и приятели, с которыми хотелось бы встретиться, поговорить, обменяться впечатлениями, вспомнить «школьное» время.

На прекрасной, живописной лесной полянке были уже, как по мановению волшебного жезла, усилиями и стараниями объединенных десяти офицерских собраний, организованы и устроены «из подручного материала» одиннадцать больших столов, накрытых белоснежными скатертями и установленных всевозможными холодными закусками и напитками. За средним столом разместились командующий округом, штабы обоих дивизий и отдельной бригады и командиры полков и батарей. За остальными — все г.г. офицеры в «перемешку». Участников было более 400 человек. Десять хоров трубачей объединенно и в одиночку, стараясь перещеголять друг друга, услаждали наш слух прекрасным исполнением богатого репертуара.

Первая чарка, поднятая, по обыкновению, генералом фон Ренненкампфом за здоровье Государя Императора, была покрыта громогласным «ура». Затем, в строгом порядке, провозглашались короткие тосты за Державных Шефов, за начальников, за полки и, наконец, последний за тесную кавалерийскую семью.

После холодных закусок, были поданы шашлыки и поросенок на вертеле, искусно приготовленные кавказскими «специалистами», которыми была так богата Императорская конница. За дружеской беседой, вспоминая прошедшие сборы и различные единичные «инциденты» и случаи, связанные с лихой кавалерийской службой, незаметно уходило время и, когда не-

счетное количество «обезглавленных Абрашек» — шампанское Удельного Ведомства «Абрау Дюрсо» — мирно покоилось под столами и стульями, стало уже почти темно.

Зажглись десятки свечей со стеклянными колпаками от ветра и несколько больших костров, зажженных вокруг поляны, освещали замечательную пирушку под открытым небом, придавая ей феерический оттенок: Поились песни, полковые, школьные, не было больше ни генералов, ни полковников, ни корнетов — была действительно одна тесная и дружная кавалерийская семья.

Вскоре появился кофе, со всеми обязательными и необязательными к нему напитками. Наконец, высшее начальство начало постепенно разъезжаться, сопровождаемое соответствующими полковыми маршами. И вскоре «молодежь», вплоть до пятидесятилетних и более, соединились еще теснее. На столах появились большие серебряные жбаны с перекрещенными шашками и серебряные чарки, головы сахара, бутылки с красным вином и коньяком — началось традиционное приготовление жженки по всем правилам и обрядам, столь ревностно соблюдавшимся в полках традиций. Дружеская беседа, прерываемая песнями, затянулась, и вплоть до утренней зари все неся голос тулумбаша: Аллаверды, аллаверды!»

Не были забыты и верные «вестачи», терпеливо ожидавшие своих г.г. офицеров, собравшись в ложбинке за леском, откуда неся немолкаемый хохот и весело визжала гармонь. Солидное количество шашлыка и всякой другой снеди, а также не одна бутылка перекечевали в их среду.

Медленно, очень медленно, разъезжались офицеры по полкам и эскадронам. Под впечатлением только что пережитых часов не хотелось возвращаться к обыденной жизни. Разъезжаясь и прощаясь друг с другом до следующих сборов, каждый уносил с собой частицу «тесной кавалерийской семьи» и никому не могло придти даже в голову, что не пройдет и года, как наступят более «серьезные маневры» с «боевыми патронами» и кровавыми последствиями и вырвут из «тесной кавалерийской семьи» многих дорогих сердцу ее членов.

И неоднократно, уже во время войны, мы вспоминали этот прекрасный «легкий походный кавалерийский завтрак», не досчитываясь, к сожалению, многих его участников. Да! «Помню деды вас и я, испивающих ковшами и сидящих вокруг костра с красносизым носами».

Действительно, дела давно минувших дней!

П. С. Бассен-Шпиллер

Группа офицеров 11 гусар. Изюмского полка в 1915 г.

«Давно все это было»

Был солнечный, ласковый август 1915 года. Изюмские гусары редкими сторожевыми заставами занимали позицию в двух верстах к западу от местечка Порицк на Волыни. Эскадроны резерва стояли в поместье графа Чапского. Лунными вечерами пред замком на поляне парка трубачи играли «Белые, бледные», «Старинный вальс» и другие романсы того времени; юные корнеты бродили по аллеям вдоль озера, грезили мечтами двадцатилетней молодости.

«Слушай, Ш—к», говорил мне корнет Богатовский, «я домой не вернусь; встретит меня смерть где-либо в дубравах Волыни, на полях Галиции, в теснинах Карпат. Одного хочу, чтобы незнанная, неведомая девушка положила на мое остывшее тело букет белых цветов».

Бежали дни, проносились месяцы, уходили годы. В пламени боев сгорали кадры Российской Армии.

Зиму 15-16 годов провели Изюмцы в канавах-окопах вдоль берегов Стыри.

Растаяли снега, повеяло весной подошел май 1916 года. Весь юго-западный фронт наших армий, прорвав укрепленные позиции противника, с боем, с победой двинулся вперед.

В конце октября, беззвездной ночью сменили нас в окопах у Пустомыты «железные» стрелки. В течении двух недель под низко нависшим сводом черно-свинцовых туч, под непрерывным, студеным дождем шел походом наш полк гусарский, на юг, через Дубно, Кременец, Збараж, Чертков, Залещики. У закрытого железнодорожного переезда у гор. Черновицы нас задержал медленно в гору поднимающийся пассажирский поезд. Из окон нам замелькали в привет руки, платочки неведомых женщин. Мы молча глядели на колыхавшиеся вагоны, потом прошли мы Черновицы, Серет, Сучаву и, перейдя границу Румынии у города Фальтичены, вступили под звуки трубачей в нарядный, еще не обезображенный тылами, городок Роман.

Два дня отдыха, и вечером на третий день, двинулся наш полк гусарский на запад. С рассветом выросла перед нами громада Трансильванских Карпат. Потом мы шли в колонне рядами по снежной горной дороге; в колонне по одному, узкой тропой, вдоль бурных ручьев; потом все выше, выше, сквозь туманы перистых тучек. На высоте около 1.300 метров полк спешил у спаленной лесной избушки.

На этом рубеже сосредоточилась II-ая кавалерийская дивизия. Где-то впереди спешно отходили на нас румыны. Отсюда уланы, гусары, казаки, имея драгун в резерве, двинулись боевым порядком вперед, по горным хребтам, по глухим снегам. Наша молодость, двухлетняя боевая работа помогали нам преодолевать обледенелые скаты, вековой бурелом. Верстах в пяти наши дозоры столкнулись с дозорами противника. С боем продолжалось наше наступление; по кручам, оврагам, в обход, по пояс в снегах шли мы еще верст пять вперед. На высотах около 1.600 метров остановились, вырыли в снегах ямки, вошли в связь с соседями, обозначился фронт дивизии.

Стояла суровая зима, трещали от мороза стволы вековых сосен; гремели в горах раскаты орудийных залпов.

Уже около недели я был в тылу начальником полковой учебной команды. Зимними ве-

черами, в жарко натопленном доме румынского священника тихо певала мне под рокот гитары хозяйская дочь, семнадцатилетняя Христина (где ты теперь?). Робкие взоры, трепет юных лет.

Приказ из штаба 5-го конного корпуса: «Учебной команде с трубачем, в конном строю прибыть к 10 часам к госпиталю № 6 в город Фальтичены для отдания воинских почестей скончавшемуся от ранений поручику Богаевскому».

К 10-ти часам учебная команда и трубачи стояли в конном строю пред госпиталем. Поручик III — к вошел в часовню; началось отпевание.

Дочь воеводы Молдавии, юная княжна Стурдза, возложила на грудь покойного букет белых цветов.

Старый гусар.

НА МАНЕВРАХ

1912 год. Лето в полном разгаре. Лагерная служба тоже. Маневры, учения, смотры всяких отраслей боевой подготовки, а одновременно — жизнь идет своим чередом, и молодежь старается ее не пропустить.

По второму году производства, юный корнет лейб-улан, вне всякой очереди, получил отпуск, чтобы проехать на неделю в имение родителей, где ежегодно, с особой торжественностью, празднуется 15 июля — день Святого Владимира. У него в кармане уже и отпускной билет и плацкарта на вечерний скорый волжский поезд — казалось бы все в порядке, и одна радость. Как вдруг, рано утром, неожиданный сюрприз: полк назначен участвовать в маневре с пехотной частью, и маневр этот затянется до вечера. Корнет П. немного озадачен и докладывает своему незабвенному командиру эскадрона и, как всегда, другу, ротмистру С. На высказанное сомнение «как-же мне поспеть на поезд?» он получает мудрое решение: «От нашего эскадрона потребуют разъезд, я тебя и пошлю, а там устраивайся, как знаешь».

Так и вышло. И вот корнет с 12 уланами отправился в разведку против неприятеля, которым был братский полк на серых конях. Около полудня, с опушки какого-то леса, видит он расположившихся бивуаком «врагов». Посылает донесение, а сам начинает маячить по опушке, в надежде быть замеченным. Действительно, вскоре от бивуака отделяется взвод и определенно идет на «смелых» улан. Подпустив его насколько позволяло приличие ближе, корнет

П. стал уходить, сначала шагом, затем маленькой рысью. Гусары-же как будто по нему равняются и ни за что не хотят нагнать. Наконец, все же им пришлось его настигнуть, и корнет князь Б. д. Т., годом моложе по Пажескому корпусу, весьма смущенный доложил, что взял корнета П. «в плен». Последний только этого и ждал. Пришли в расположение лейб-гусар и посредник генерал Орановский заявил, что корнет П., до конца маневра, остается при полку.

Катастрофа! Корнет рассказал своим друзьям всю подоплеку своего «плена», молодежь передала это старшим, и командир полка генерал В. решил, что если корнет обещает никому ничего не рассказывать про замеченное, то, после завтрака, меня отпустят.

Дружно прошел завтрак в офицерском собрании.

Ярко светит электричество,
За гусар Его Величества,
За стаканами стаканы
Пьют Царицины уланы!

В 8 часов вечера, «пленный» корнет уже сидел в купе своего поезда.

Прошли годы скитаний, и вот в 1933 году, в Париже, П. встречает приехавшего из Японии, Б. д. Т. Вспоминают старое и последний говорит: «А ты знаешь, как мне попало за твой «плен». Командир эскадрона и все говорили мне — как ты смел брата улана взять в плен? Я же оправдывался говоря — что же мне было делать? Я все жду, чтобы он ушел — а он не уходит!»

А. П.

Лейб-Гвардии Литовский Полк

(К 150-летию юбилею основания)

Высочайшим, Императора Александра I, повелением, лейб - гвардии Литовский полк был сформирован в Санкт-Петербурге 8 ноября 1811 г. из 2-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка.

Вся пешая гвардия, в своем тогдашнем составе, (Преображенский, Семеновский, Измайловский, Литовский, Егерский и Финляндский полки) участвовала в Отечественной войне.

В Бородинском бою лейб-гвардии Литовский полк, совместно с лейб-гвардии Измайловским, не только отбил все атаки кавалерии Мюрата, не уступив ни пяди земли, но и сам атаковал, «покрыв себя славою в виду всей армии» — слова князя Кутузова. В этом бою, особенно отличился 3-й батальон, а полк получил Георгиевские знамена. В дальнейшем, полк принимал участие в боях под Люценом, Байценом, Дрезденом, Лейпцигом и Бриенном и вступил в Париж.

На обратном пути в Россию, Шеф полка Великий Князь Константин Павлович повелел пополнить 3-й батальон Литовского полка «отличнейшими офицерами и солдатами из 1 и 2 батальонов» и отправить его в Варшаву. Осчастливленные возможностью служить при особе любимого своего Шефа, 3-й батальон в полном своем составе, со знаменем, штабом полка и музыкантской командой, отбыл к месту своего нового служения, а оставшиеся ряды 1 и 2 батальонов были направлены в Санкт-Петербург, где они получили пополнение из гвардейских и армейских полков.

Ввиду все усиливавшегося враждебного отношения поляков, отряд для охраны Цесаревича оказался недостаточно сильным, а потому, согласно Высочайшего Приказа от 17 октября 1817 г., 3-й батальон лейб-гвардии Литовского полка был развернут в полк того же наименования. Первому и второму батальонам того же полка было Высочайшим Приказом повелено впредь именоваться Лейб-гвардии Московским полком.

В 1818 г. полку были пожалованы новые Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году». В 1836 г., к знаменам были пожалованы Андреевские ленты и скобы на знамена, отличия, которые имел Лейб-гвардии Преображенский полк.

В 1950 г. полку были пожалованы новые Георгиевские знамена с надписью: «За отличие

при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году» и Андреевские ленты к оным, с надписью: «Потешные Преображенские — 1683 — 1700 — 1850».

Полк дважды участвовал в усмирении польских восстаний: в 1831 и 1863 гг. Он принимал участие в Венгерской кампании 1848-49 гг. В Крымскую войну полк оберегал берега Балтийского моря. Принимая участие в турецкой кампании 1877-78 гг., полк, особенно, отличился в ночном бою при деревне Карагач, близ Филиппополя, за что получил знаки отличия на головные уборы, с надписью: «За Филиппополь» 4 января 1878 г.». В этом бою полк разбил турок в несколько раз превосходивших его числом, захватив 23 орудия и много пленных.

В войне с австро-германцами полк в августе 1914 г., в составе 3-й гвардейской пехотной дивизии, вел упорные бои в Восточной Пруссии и за славные действия полка его командир ген. майор Шильдбах был награжден Георгиевским оружием. За взятие Ловича полк получил благодарность Верховного Главнокомандующего, а командир полка награжден Орденом Св. Георгия 4 степени. Полк участвовал в боях под Остроленкой, Перемышлем, Журавно, Грубешовым и Кобриним. За славные бои в сентябре 1915 г. на р. Вилейке и у Сморгони командир полка ген. майор Кононович был награжден Орденом Св. Георгия 4 степ. Впоследствии, полк принимал участие во всех боях Гвардейского Отряда и особенно отличился на р. Стоходе, летом 1916 г., где им были взяты орудия, пулеметы, штаб неприятельской дивизии и много пленных.

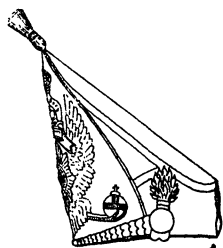
В Белом движении, Литовцы участвовали в Ледяном походе, а потом, войдя в состав Сводно-Гвардейского полка, сражались против большевиков до последнего дня белой борьбы. С эвакуацией Крыма Литовцы рассеялись по всему свету, а в Париже и в Сербии образовались Объединения Литовцев, отпраздновавшие в 1961 году 150-летний юбилей со дня основания полка.

Августейшими Шефами полка состояли: Великие Князья Цесаревич Константин Павлович, Михаил Павлович и Николай Николаевич Младший. В списках полка числились: Государь Император Александр II, Государь Император Александр III, Великие Князья Константин Николаевич и Николай Николаевич Старший.

Полковник Акимов

Павловцы в великую войну

1915 г. — ЛОМЖА

В начале апреля 1915 года, сейчас же после Пасхи, я с командой выздоровевших раненых солдат возвращался в полк. 26-го августа 1914 года у деревни Гельчев пуля разбила мне кость левой ноги. Пока срослась кость прошло немало времени, и теперь возвращался я не совсем еще поправившись. На рентгеновском снимке были видны кусочки металлической оболочки пули.

С собой я взял 100 броневых щитов системы саперного офицера штабс-капитана Гельгара. Щиты были небольшие, они закрывали только лежащего за ними человека и имели прорез для винтовки. Каждый весил более 20 фунтов, но они были непробиваемы.

Приехали в Ломжу, вернее пришли, так как от станции Червонный Бор, где мы высадились рано утром, надо было тащиться до Ломжи пешком. На присланные подводы нагрузили щиты, немудреное солдатское барахлишко. Я уселся и двинулись.

Прошли казармы какого-то армейского полка, квартировавшего до войны в Ломже, Ломжу с ее костелом, цукерней, садиком, кучей домов и домишек с польским и еврейским населением, спустились к Нареву и, перейдя по мосту, потянулись по шоссе, обсаженному большими тенистыми деревьями. Навстречу шли одиночные солдаты, небольшие команды, полковые повозки, зарядные ящики, всадники. Прошли мимо Кисельниц и добрались, наконец, до Рогениц, где стоял штаб полка и резервный батальон.

Явился новому командиру полка полковнику Искритскому. К вечеру пришли приемщики от рот, сидящих в окопах плацдарма Малый Плоцк — Колаки Струменные. Положили щиты на двух колки и ушли.

Благодаря большой убыли в офицерском составе в боях под Люблиным, Ивангородом и блокаде Кракова, старших офицеров оставалось мало, и я, по старшинству, получил 11 батальон.

Древня Рогеницы небольшая. Одним концом она примыкала к дороге, идущей от Ломжи до местечка Стависки, а другим — к небольшому холму, сбоку ручей и лес, а с другой стороны голый косогор и поле.

Вечер прошел в разговорах, надо было раздать привезенные письма и посылки. Рассказывали мне обстановку: впереди за лесом от деревни Малый Плоцк, имея слева Л. Гв. Фин-

ляндский полк, тянутся окопы левого полкового участка, занимаемого по очереди I-м и IV-м батальонами. До противника от 1.500 и до 1.200 шагов. Дальше, вправо, ложбина, слабо заpleтeнная проволокой и никем не занятая, — на ночь выслали секретеры и дозоры, — прорыв и затем большой песчаный холм с нарытыми 2-х ярусными окопами. Все заpleтeно проволокой. Это участок II-го и III-го батальонов. Впереди лес, по опушке которого нарыты окопы противника, дистанция 800 и 600 шагов. Еще правее, под самой проволокой немцев, окоп для одной роты, связанный ходами сообщения с холмом и левым флангом Л. Гв. Егерского полка. От этого окопа до немцев не было и ста шагов.

За холмом овраг, где бежал ручей. По берегам ручья развалины деревни Колаки-Струменные, от которой остались лишь трубы и кучи битого кирпича и мусора. От околицы Колак дорога подходила к холму, где раньше был хутор: небольшой деревянный домик и разбитый сарай, с изломанными земледельческими орудиями. От оврага с ручьем местность была совершенно ровная, без всякой растительности, и поднималась до перегиба, в сторону деревни Рогениц. До перегиба было не меньше версты. В лесу стоял резервный батальон, 2-3 батареи, а на опушке леса нарыты небольшие окопчики. Все несчастье состояло в том, что холм был песчаный и при артиллерийском обстреле песок осыпался, прикрытие ползти. Каждый вечер приходили рабочие роты, везли бревна, жерди, плетни — за ночь все приводилось в порядок, а с утра начинался обстрел, и все снова осыпалось, ползло, разваливалось и становилось никуда негодным. Это и был участок II-го и III-го батальонов.

С вершины холма, пол-оборота налево, виднелись крыши домов и костел деревни Буды-Желязны. И в тихие веесные вечера ясно доносились звуки музыки, игравшей немецкий гимн, били зорю.

На другой день по приезде, выйдя после чая на улицу и разговаривая с подошедшими офицерами о Петербурге, слышали стук идущего по дороге обоза. Посмотрели: ничего и никого на дороге, только слышен слабый свист сверху. В чем дел? По телефону спросили резерв, сидящий в лесу. Оказалось следующее: роты, получившие броневые щиты, поставили их ночью в амбразуры и теперь наблюдали, как немцы по всему фронту нашего участка открыли ружейный и пулеметный огонь по щитам. Эта стрельба, перехваченная перегибом местности, и давала впечатление идущего обоза, а пулеметные пу-

ли свистели высоко над головами. Это напоминало мне августовские дни под Ляояном, когда полк всполошился, приняв стук колес идущих по дороге двуколки за ружейную стрельбу японцев.

По телефону передали, что роты донесли о попаданиях в щиты, и это с разных дистанций, но ни один щит не пробит, а только вмятость в места попадания пуль, которые вспыхивали при ударе в щит язычком пламени.

Пришла очередь и II-му батальону занимать свой участок на холме.

Впереди Рогениц, в кустах, хорошо замаскированные, стояли две дальнобойные пушки системы «Шнейдер», или, как их называли по роману Юрия Беляева, «Барышни Шнейдер».

Прошли мимо мирно стоящих орудий, вошли в лес. Здесь стояли коновязи артиллерийских лошадей, передки, зарядные ящики, потом землянки и палатки оружейной прислуги, дальше землянки резервного батальона, перевязочный пункт с флажком Красного Креста.

Подождали сумерек и, когда достаточно стемнело, пошли дальше, неся бревна, плетни, жерди, колья, доски, мотки колючей проволоки. Надо было восстановить разбитое днем.

Мой старший двоюродный брат полковник Николай Редькин под Ивангородом был ранен двумя пулеметными пулями в ногу. Раньше меня поправился и вернулся в полк. Принял свой III-й батальон, который я пришел сменять. Лучи двух германских прожекторов вспыхнули и поползли по нашему фронту: осветили белые домики Малого Плоцка, потянулись к лесу, ярко освещая стволы сосен и дорогу и начали приближаться к нам, идущим по дороге. «Ложись», — рота легла. Лучи медленно поползли по лежащим ротам и направились дальше на развалины Колак-Струменных.

Роты встали и двинулись дальше. Перешли мостик через ручей, 7-я рота полка пошла по ходу сообщения вправо, 6-я и 8-я пошли сменять роты в окопах, а 5-я осталась в резерве.

Спустился в блиндаж и, пока шла смена, успел переговорить с братом о Питере, о наших семьях, о раненых товарищах-офицерах. Но вот смена окончилась, и батальон ушел.

Началось недельное сидение. Изю дня в день одно и то же. Утром вся линия германских окопов дымилась — «немцы кофей варят», — говорили солдаты, которые сами, в свою очередь, варили чай.

Была тишина. К 9-10 часам начинался обстрел: рвались гранаты на холме и, перелетая, рвались в чистом поле. То из одной роты, то из другой доносили, что граната ударила в землянку и переранила находившихся в ней людей.

Блиндаж, устроенный в развалинах сарая, был расположен очень удачно. Только та грана-

та, которая, почти касаясь вершины холма, пролетала над ним, могла ударить в насыпь, но это было редко. К 12-ти часам обстрел кончился и до следующего утра было тихо. Изредка лишь застучит коротенькая очередь пулемета, то тут, то там раздадутся отдельные винтовочные выстрелы: заметили и обстреляли неосторожно высунувшегося немца, либо нашего солдата в ходе сообщения.

Офицеры резервной роты с утра до вечера, не обращая внимания на обстановку, играли в преферанс, бридж или винт.

В часы вечерней тишины из деревни Буды-Желязны доносились звуки музыки и германский гимн. Темнело, подъезжали кухни, с которыми являлись и денщики с судками, в которых был и обед, и ужин, и завтрак на следующий день, подходила рабочая кухня, санитары. Из рот шли с котелками и ведрами для мясных порций, выносили убитых и раненых. В окопы тащили и материал для починок. С наступлением темноты уходили к германским окопам разведчики и секреты. И так изю дня в день.

С некоторого времени немцы начали обстреливать как ходы сообщения, так и окоп 7-й роты. Забравшись на деревья опушки леса, они били на выбор. Несколько шрапнелей, пущенных ближайших батареей, стряхивали стрелков, и дня 2-3 они на деревья не лазили, но потом началось то же самое.

Отсидев неделю, батальон отошел на отдых в резерв, в деревню Рогеницы. Туда прислали для пробы крепостные ракеты. I- и III-й батальоны отказались от них, а я решил попробовать их действие. Из рот батальона пришли желающие пострелять ракетами.

Оружейный мастер показал все приемы обращения с этим родом оружия и, заступая через неделю на свой участок, батальон взял с собой ракетный станок и несколько ракет.

Заняв участок, вырыли небольшой окопчик, куда поставили станок, сложили ракеты и в нем же разместились команда ракетчиков из трех человек.

Стемнело. Предупредили 7-ю роту, чтобы стала к щитам и амбразурам и приготовилась к стрельбе.

Взлетел огненный змей. Свистя и шипя, понесся к немцам, лег на опушке и лопнул. «Очень хорошо, но нельзя ли немного ближе, через окоп перелетел», — передали по телефону из 7-й роты.

У станка что-то подвинтили, и ракета понеслась к немцам. «Очень хорошо, аккуратно в окоп легла». Одна за другой были выпущены еще несколько ракет, некоторые лопнули в окопе, другие на опушке леса. Загорелась солома в окопе, сухой кустарник на опушке леса, немцы выскочили из окопов и попали под ружей-

ный и пулеметный огонь.

Повидимому, немало их там легло. Но они не остались в долгу: из-за леса справа раздались пушечные выстрелы и несколько гранат разорвалось около ракетного окопчика, еще подлетели и разорвались. Какой-то шальной осколок перебил ногу станка. Пришлось стрельбу прекратить.

Прошло два дня, и ко мне в блиндаж вошел морской офицер — лейтенант, представился и сказал, что прислан с орудием подбить прожекторы. Я вышел посмотреть на пушку; небольшого калибра, думаю, что «57», но очень длинная, при орудии боцман и три артиллериста матроса.

— Как это прошли, лейтенант? Ведь незамеченным пройти невозможно, а по всему движущемуся немцы палят.

— Мы шли по ручью в овраге, а до него, значит, Бог пронес. Покажите сейчас места прожекторов, мы их заметим, а как откроют лучи, постараемся подбить.

Пошли все на верхушку холма. Там, в начатых окопах, нашли подходящее место. Втащили при помощи людей резервной роты орудие в окоп, навели, так как место прожекторов было точно известно и намечено.

С наступлением темноты были высланы к немецкой проволоке разведчики. Моряки попокошились около своего орудия и стали ждать прожектора. Вот открылся один прожектор, сейчас же другой. Лучи их поползли к опушке леса, осветили стволы деревьев и потянулись к окопам левого участка у Малого Плоцка.

Сверкнула золотистая молния выстрела, прогремел удар. Раз, другой, и луч погас, минуты через две и другой. Прожекторы были потушены и больше не светили.

Еще одна неприятность: в воронке от тяжелого снаряда угнездился германский пулемет и короткими ударами покрывал то участок 2-й роты, то колено хода сообщения. Днем стрелял прицельно по намеченным людям, а ночью наудачу. Он был ясно виден, в 50-70 шагах, но оплелся проволокой, и ни штыком, ни пулей достать его было нельзя, а досаждал он очень. Наконец, стало не втерпех и я, по просьбе командующего 7-й ротой подпоручика Маринича, обратился к командиру мортирной батареи, стоявшей в лесу.

— В чем дело? И чем я могу помочь вам? — спросил командир батареи. Я объяснил ему сущность дела.

— Хорошо, попробуем, но предупреждаю, что за точность попадания бомбой в такую маленькую точку, как пулеметное гнездо, ручаться трудно. Я пришлю вам офицера, он будет корректировать стрельбу.

Вскоре, по оврагу, где протекал ручей и по которому моряки протаскивали пушку, пришел

артиллерийский офицер поручик с унтер-офицером и двумя телефонистами, тянувшими провод.

Высокий, стройный поручик, если память не изменяет, Малиновский, вошел в блиндаж, представился и попросил указать, где этот пулемет. Я объяснил ему, что он сам его сможет увидеть, пройдя в окопы 7-й роты, но что туда идти надо очень осторожно. Если 1-2 человека, где согнувшись, а местами и ползком, смогут пройти незамеченными, то группа в 4-5 человек будет обнаружена и обстрелена. «А что касается передачи, то можно соединиться с проводом 7-й роты».

Так и сделали. И он, вместе с унтер-офицером, звякнув шпорами, соскочил в ход сообщения и ушел.

Минут через 15 запищал телефон, и подпоручик Маринич передал, что артиллеристы пришли и он ведет их показывать расположение пулемета.

Прошло еще несколько минут, и по телефону был слышен разговор: «Батарея слушает?» — «Слушает». Затем последовали артиллерийские термины. Глухо бухнула пушка в лесу.

Свистя высоко над головами, пронеслась бомба, и большой черный столб взрыва поднялся около окопов 7-й роты. «Немного не долетела, направление точно». Еще и еще удары. В третьем выстреле в столбе взрыва, в дыму и песке, завертелась, блестя металлическими частями, германская каска и какие-то куски. Бомба легла около гнезда и все там разворотила. Это счастливая случайность.

То ли это, то ли ракетный обстрел, то ли стрельба моряков, но немцы решили рассчитаться с нашим холмом.

На другой день, 3-го или 4-го мая, вместо одиночных орудийных выстрелов в 9 часов утра точно ураган чугуна и стали сорвался из-за леса и обрушился на наш холм. Стреляло сразу несколько батарей, из которых, по крайней мере, две были тяжелыми.

Заходил ходуном весь холм, посыпался песок с потолка блиндажа, десятки гранат рвались на небольшой площади холма, почти все провода перебиты, стоит густая пыль, гранаты, перелетая через вершину, задевают ее и, рикошетируя, рвутся в воздухе, разнося всюду осколки. Стоял страшный грохот разрывов, свист и вой разлетающихся осколков. Несколько гранат, не задев за вершину холма, ударили в каменную кладку сарая: блиндаж вздрогнул и правая половина осела, полетели со звоном стекла окошек. Посылать связь в роты не было смысла, они были бы перебиты или переранены. Уцелел провод, протянутый по дну оврага, вернее, по дну ручья, в штаб батальона в лесу и другой по ходу сообщения в 7-ю роту. По этим двум проводам удалось держать связь.

Услыхал разговор командующего IV-м батальоном капитана Крестинского, который спрашивал штаб в лесу: «Где же II-й батальон? Вместе с ним я вижу тучу дыма, песка и разрывов». Штаб, в свою очередь, спрашивал: «А что делают немцы? Не видно ли у них желания атаковать холм?» «Никак нет, сидят спокойно».

Наши «барышни Шнейдер» обстреливают Стависки, а остальные батареи ведут огонь по батареям противника за лесом.

Из 7-й роты донесли, что немец сидит и носа не показывает. Значит дело ограничится одной лишь бомбардировкой.

Часам к двум огонь прекратился, настала полнейшая тишина.

Телефонисты пошли чинить провода. С темнотой подошли кухни, денщики с судками, притащили разный материал, вынесли убитых и раненых. Рабочая рота оставалась до рассвета на работе, приводя все разрушения в порядок. Особенно в деле восстановления разрушенных окопов проявлял деятельность фельдфебель 8-й роты старший унтер-офицер Яков Зенчик, у которого всегда раньше других все было приведено в порядок.

Так как правофланговая 7-я рота занимала наиболее угрожаемый участок, то с наступлением темноты и до рассвета в помощь ей высылалась рота из резервного батальона в лесу.

Пользуясь темнотой и, несмотря на выпускаемые время от времени немцами пулеметные очереди, рота, обыкновенно, проходила без потерь.

6-го мая вечером я со связью пошел по ходу сообщения в 7-ю роту. Прошли половину пути. Прострочила короткая очередь, и пули просвистали рядом. «Ваше Высоблагородие, как бы нас не захватило». — «Ничего, авось пройдем».

Не успел я и сказать это, как опять застучал пулемет, и меня ударило по правой руке, ниже локтя. Я схватился за руку. «Никак вас ранило, Ваше Высоблагородие?». — «Да, задело, айда назад». Пришли в блиндаж, я посмотрел руку: кровь текла, а в рукаве походного мундира две дырки, одна подле другой. Пуля, задев руку, сорвала кусок кожи и обнаружила мускул. По телефону попросили, чтобы передали денщику принести чистую рубаху и другой мундир.

7-го мая, как и ежедневно, рабочая рота отрывала на самом гребне холма окопы третьей линии. На рассвете, рота ушла, а я пошел посмотреть, что они нарыли. Тихое, ясное утро, везде полная тишина. Над нашими и немецкими окопами вьется дымка: немцы варят кофе, наши — чай. Ниже, по склону, обращенному к немцам, видны наши окопы, ходят солдаты, кто в ситцевой рубахе, кто в защитной гимнастерке. Сидят, пьют чай, видны фигуры наблюдателей-часовых, прильнувших к щитам.

Простучало несколько выстрелов со стороны немцев, довольно близко взлетели столбики пыли, поднятые пулями, еще ближе просвистали пули, и столбики пыли поднялись впереди меня. «Ваше Высоблагородие, бежите сюда, это в вас стреляют», — закричали солдаты из ближайшего окопа.

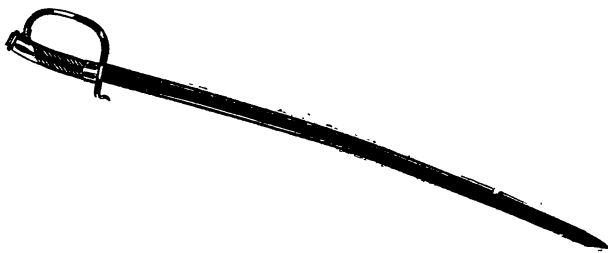
Противно завизжала рикошетная пуля, другая ударила так близко, что земля посыпалась на меня. Я побежал, направляясь к ближайшему окопу. Подбегая к нему и готовясь прыгнуть, получил удар в ногу.

В окопе, куда вскочил, меня подхватили. Прибежал фельдшер, распорол голенище сапога. Нога и сапог залиты кровью. Накладывая перевязку, фельдшер приговаривал: «Не извольте беспокоиться, Ваше Высоблагородие, кость целая, только икру пробило, я перевязку наложу первый сорт».

Опираясь на плечо солдата, я пошел к себе в блиндаж. Рана не болела, и идти было еще трудно.

Из штаба батальона вызвал себе заместителя и, когда он пришел, отправился в лес. Путешествие это проделал частью на ружье, сидя и охватив руками шеи носильщиков. Но так как сидеть на ружье не очень удобно, то выдернули кол из проволочного заграждения и на этом, тоже не очень удобном экипаже, потащили меня до опушки леса, где стояла лазаретная двуколка. Молодой зауряд-врач и полковой адъютант поручик Гога Орлов на двуколке доехали со мной до отделения подвижного лазарета графини Шуваловой, где сделана была перевязка, и я, забрав свои вещи и денщика, перебрался в полевой госпиталь, расположенный в Ломже.

А. Редькин

Нагрудные медали за победу при Гангуте 27 июля 1714 г.

Выдающийся знаток медалей, бывшая сотрудница Эрмитажа Л. С. Пискунова, основываясь на многолетних архивных исследованиях фонда адмирала гр. Апраксина, хранящегося в Архиве Военно-Морского флота СССР, в чем ей сначала помогал А. А. Войтов, — написала классический труд под заглавием «Великая Северная война 1700–1721 гг. на русских и иностранных медалях», пока еще не вполне напечатанный. В отлично изданном IV томе «Трудов Государственного Эрмитажа» (Л. 1961), посвященном нумизматике, напечатана лишь одна глава вышеуказанного труда, озаглавленная «Награждение медалями за Гангутский бой 27 июля 1714 г.». Ввиду того, что «Труды Эрмитажа», повидимому, за рубежом в продаже не появляются, а тема эта всегда чрезвычайно занимала не только коллекционеров, но и весь круг любителей нашей военной старины, — считаем долгом, хотя бы в сокращениях, ознакомить читателей нашего журнала с некоторыми результатами кропотливых изысканий маститой авторши.

Но тут же необходимо сослаться на нижеследующую цитату из всеисчерпывающего исследования И. Г. Спасского, озаглавленного «Золотые — воинские награды в допетровской Руси», напечатанном в том же томе «Трудов». Оба упомянутые авторы безапелляционно высказываются в одном и том же духе, а именно: «Систематические массовые награждения в созданной Петром регулярной армии, при всей кажущейся новизне этого начинания», пишет И. Г. Спасский, — «всеми корнями уходят в вековые воинские традиции допетровской Руси. Точно так же, как и прежде, «Золотые» разного веса получали начальники и дворянское войско — гвардия, а знаки высших достоинств выдавались с золотыми цепями; точно так же, как и прежде — простые воины награждались серебряными знаками. Если не считать окончательного отказа от золочения солдатских медалей — то различие между наградами допетровской Руси и введенной Петром системой наград не больше, чем различие между монетами — допетровскими и новыми»...

Обычай награждать «золотыми» — жалованными монетами за ратную службу в допетровской Руси впервые был затронут Н. М. Карамзиным в «Истории Государства Российского»; другие авторы впоследствии вскользь возвращались к этому вопросу, но на практике — «Золотые» продолжали рассматриваться как монеты и музеями, и коллекционерами. Лишь

с 1955 г. на открытой в Эрмитаже выставке орденов и знаков отличия эти «Золотые» были размещены рядом с наградными медалями XVIII и XIX в.в. Эти допетровская и петровская традиции были свойственны одной только России, и это значительное морально-воспитательное начало в других европейских армиях стало применяться гораздо позднее.

Применяя в данном случае свой принцип награждения за каждую победу, — среди торжеств, устроенных после Гангутского, удачного для молодого русского флота боя, — царь Петр распорядился о заготовлении специальных, на сей случай, золотых и серебряных медалей для раздачи всем его участникам. Золотые медали были следующих категорий: с цепями 1) бригадирные, 2) полковничьи, 3) подполковничьи и майорные, 4) капитанские и 5) без цепей: гвардии унтер-офицерские и армии обер-офицерские. Серебряные медали — для прочих нижних чинов; большая часть всех этих медалей и была роздана, но только лицам, тогда в Петербурге находившимся. К середине декабря 1714 г., когда были получены списки лиц, подлежащих награждению, но находящихся вне столицы — гр. Апраксиным были высланы новые распоряжения Кадашевскому монетному двору (в Москве) 1) о значительном увеличении количества подлежащих чеканке серебряных медалей и 2) о перечеканке нескольких возвращаемых медалей золотых и об увеличении веса всех золотых к ним цепей. Этот новый заказ, опять с поспехом — был выполнен и доставлен в Петербург к марту 1715 г., где снова началась выдача этих наград — оконченная лишь в конце 1717 г.

В среднем петровский червонец весил 3 1/2 грамма 30 лот; за Гангутскую победу «Кабинетом» (т. е. личной канцелярией Царя Петра) всего было роздано 144 золотых медали, из них — 55 с золотыми же цепями, а именно: 1) «бригадирские» — в 45 червонцев каждая при цепях — в 75 червонцев (ими были награждены Лефорт, Волков и Змаевич), 2) «полковничьи» (армейские) — в 30 червонцев при цепи в 60 червонцев, 3) «подполковничьи и майорские» — в 15 червонцев при цепи в 30 червонцев (эти медали получили морские капитаны, капитаны гвардии, армейские подполковники и майоры, 4) «капитанские» — в 11 червонцев при цепях в 22 червонца (для морских капитан-поручиков, гвардии подпоручиков и прапорщиков, адмиральских адъютантов, и — армейских капитанов), 5) «поручичьи» (без цепей) — в 7 червонцев каждая (для начальников галерных

команд, армейских поручиков и подпоручиков и галерного батальона, а также — для гвардии унтер-офицеров).

Серебряных медалей (для прочих нижних чинов) всего было роздано 3125; из них — 622 медали Ингермандландскому полку, 311 — Лефортовскому, 252 — Преображенскому, 233 — 1-му Гренадерскому, 211 — 2-му Гренадерскому, 196 — Новгородскому, 196 — Великолукскому, 183 — Галерному батальону, 183 — Галицкому полку, 174 — Семеновскому, 114 — Кохорскому, 92 — Московскому, 88 — Шлисельбургскому, 71 — Вологодскому, 53 — Воронежскому, царским «деньщикам» — 2, генерал-адмиральским шлюпочным гребцам — 12, таковым же генерала Вейде — 4.

Недоразумения при раздаче медалей, чрезвычайно ценимых, вызывал ряд личных письменных обращений к Царю; ниже приводится одно из них: «Державнейший Царь Государь Милостивейший, служу я, раб твой, тебе великому Государю в морском флоте в галерном батальоне в солдатах и в прошлом, Государь, 1714-м году был я нижепоименованный при взятии неприятельского фрегата и шести галер на батали с русским подкомитом Андреем Плотниковым на галере, которой убит на той батали, а которые моя братья баталионные солдаты такожде и матросы были на той баталии и те получили твои государевы монеты, а я раб твой не получил, понеже по списку, Государь, написано по которому монеты даваны Дементий Лукьянов, а имя мое Дементий Игнатъев. Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего Величества, да повелит державство ваше мне рабу моему за вышеописанную баталию против моей братьи Свой Государев монет выдать и о том свой Государев милостивейший указ учинить».

Внешний вид Гангутских медалей художественностью не отличался, что объясняется, прежде всего, поспешностью изготовления. На лицевой стороне видим вправо обращенный бюст Царя Петра (не повторенный на других медалях), а на оборотной — схематическое изображение боевого строя русских галер и шведских парусников в момент решительной схватки (изображение это, в уменьшенном виде, скопировано с гравюры в «Книге Марсовой»), с надписью по окружности и под обрезом: «Прилежание и верность превосходит сильно

июля 27 дня 1714». Серебряные медали, диаметром и весом, равнялись рублевикам того времени. И золотые и серебряные медали (как и все наградные медали — до Кагульской и Чесменской) за Гангут чеканились без ушков — кои припаивались награжденными по их усмотрению.

В собрании Эрмитажа сохраняются четыре золотых (цепи не уцелели) Гангутских медали («майорские» в 15 червонцев и «поручичьи» в 7 червонцев), а также — несколько серебряных. В зарубежных коллекциях имеются: 1 — «майорская» и 1 — «поручичья» (купленные на аукционе собрания Великого Князя Георгия Михайловича членами Общества любителей русской военной старины — первая за 70 ф. и вторая — за 28 ф.), а также несколько серебряных. По моим приблизительным расчетам выходит, что до настоящего времени золотых Гангутских медалей уцелело около 4 процентов, а серебряных — того меньше, около 0,5 проц.

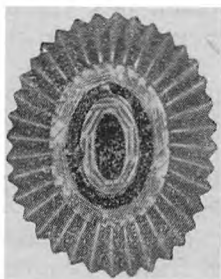
Эта глава исследования Л. С. Пискуновой заканчивается словами: «...Петр лишь умело использовал, в обновленной форме, русские воинские традиции прошлого. Установленный им порядок награждения медалями всех участников сражений сохранялся в течении всего XVIII в.»...

К сожалению это не совсем так: например — в царствование Императрицы Анны — наградных медалей, вообще, не существовало, хотя были причины для их установления, как например: 1) умело проведенная осада и взятие Данцига в 1734 г., 2) штурм и взятие Очакова (с 14-го по 28-ое октября) в 1737 г. В царствование Императрицы Елисаветы: 1) пленение всей шведской армии под Гельсингфорсом 26-го августа 1742 г., затем: если победа при Кунерсдорфе отмечена «наградным рублем» — так победа при Пальциге 12-го июля 1759 г., взятие Берлина 28-го сентября 1769 г. и взятие Кольберга 5-го декабря 1761 г. — медалями увековечены не были... Императрица Екатерина II вернулась к престарелым традициям, а если бы «Бородино» было при Петре — он, наверное, увековечил бы его особою медалью.

«Мужество Петрово при Гангутѣ явлено 1714».

Владимир фон-Рихтер

К о к а р д а

Что такое русская кокарда — эта овальная бляшка с черно-оранжевым центром и серебряной, у офицеров рубчатой, каймой? Бляшку эту с гордостью носило несколько поколений русских военных людей. В тяжелые годы революции и Гражданской вой-

ны, за право ношения этой бляшки многие пожертвовали жизнью. Однако, немногие задумывались над тем, что же она собой изображает и каково ее происхождение.

Вопрос этот заинтересовал меня, и я несколько раз обращался за объяснением к знатокам русской военной старины, но удовлетворительного ответа ни от кого не получил. Некоторые знатоки почитали цвета русской кокарды Георгиевскими, но на Георгиевской ленте имеются 3 черных и 2 оранжевых полосы, тогда как на кокарде имеются лишь 2 черных и 2 оранжевых полосы. Кроме того, на кокарде имеется серебряная кайма, которая на Георгиевской ленте отсутствует. Другие считали, что русская кокарда «Государственных» или, как их иногда называют, «Романовских» черно-оранжево-белых цветов. Объяснение это оказалось несколько ближе к истине, но все же неверно. В так называемых «Государственных» или «Романовских» цветах черный, оранжевый и белый цвета повторяются по одному разу, тогда как на кокарде черный и оранжевый цвета повторяются по два раза. Кроме того, эти, так называемые, «Государственные» или «Романовские» цвета, сами по себе, представляют дилемму не менее трудно разрешимую, чем цвета кокарды. Законными русскими Национальными или Государственными цветами были белый, синий и красный. Цвета эти были установлены Петром Великим в 1699 году. Оригинальный чертеж русского флага этих цветов, с личными пометками Петра Великого, некогда хранился в Главном Архиве Министерства Иностранных дел. Цвета эти сохранились во всех позднейших узаконениях, как для флагов русского торгового флота, так и для русских дипломатических представителей за рубежом. В Царские дни флагами этих цветов украшались здания государственных учреждений. Флагами этих цветов украшались и столицы иностранных государств во время посещения их русскими Государями. Тем не менее, с некоторого времени (не ранее начала 19-го века) на сцену появляются, кроме бело-сине-красных цветов, еще черно-

оранжево-белые цвета, которые постепенно завоевывают положение как бы второго Государственного флага. Прежде всего, насколько мне удалось установить, цвета эти принимаются в армии, на генеральских плюмажах, на офицерских шарфах, на этикетных шнурах и т. д. В 1863-1864 г.г. цвета эти получают как-бы официальную санкцию — медаль «За усмирение польского мятежа» повелено носить на ленте этих цветов. К концу 19-го века черно-оранжево-белые цвета становятся столь популярными, что они начинают вытеснять законные бело-сине-красные цвета. В 1896 году, по повелению Имп. Николая II-го, для выяснения вопроса о российских национальных цветах было создано особое совещание под председательством генерал-адъютанта Посыета, в котором приняли участие представители Академии Наук и различных министерств. Совещание это пришло к единогласному мнению, что Государственными российскими цветами должны почитаться бело-сине-красный, цвета же черно-оранжево-белый «не имеют к тому ни геральдических, ни исторических основ». Заключение совещания было Высочайше утверждено 29 апреля 1896 года. Тем не менее черно-оранжево-белые цвета продолжали свое «беззаконное сожительство» с законными Государственными цветами и даже получили в 1905 году новую Высочайшую санкцию — они были избраны для ленты медали в память плавания 2-й Тихоокеанской эскадры под командой генерал-адъютанта Рождественского. В 1913 году цвета эти были избраны для ленты медали в память 300-летия Дома Романовых и, кажется, с этих пор черно-оранжево-белые цвета начинают именоваться также и «Романовскими». Возможно, что в последние перед революцией годы черно-оранжево-белые цвета и получили некоторое официальное утверждение, но автору таковые узаконения неизвестны — автор будет весьма благодарен, если читатели, которым известны подобные узаконения будут любезны сообщить о таковых, указав даты и №№ приказов.

Но, как говорил протопоп Аввакум, «возвратимся на первое» — вопрос о национальных цветах несколько отвлек нас от нашей темы. Не найдя удовлетворительного ответа о значении и происхождении нашей кокарды, я занялся этим вопросом сам. Путем внимательного изучения эволюции русской кокарды, описанной в «Историческом описании одежды и вооружения российских войск», составленном Висковатовым, мне удалось точно установить происхождение нашей кокарды. Сведения эти,

а также сведения о происхождении и значении кокард, вообще, изложены ниже.

Слово «кокарда» французского происхождения — так некогда назывались во Франции султаны из петушиных перьев, носимые на головных уборах. Позднее это название было перенесено и на банты из шелковых и шерстяных лент, носимые на шляпах. Цвет этих султанов и бантов был произвольным и не обозначал принадлежности к той или иной нации. В русской армии ношение кокард было впервые введено при Императрице Анне Иоанновне. Кокарды эти имели вид белых бантов из шерстяных, у офицеров из шелковых, лент. При Императоре Петре III-м русские войска продолжали носить кокарды из белых лент, тогда как гольштинские войска носили черные кокарды. От этой гольштинской кокарды в русской кокарде сохранился черный цвет. При Императрице Екатерине II-й русские войска продолжали носить белые кокарды, но Император Павел I-й при своем воцарении установил в русских войсках ношение черных кокард, придав им узкие оранжевые каемки. Таким образом мы имеем уже 2 цвета русской кокарды — черный и оранжевый, или вернее черный и 2 оранжевых.

Между тем в Европе, со времени французской революции, кокарда начинает приобретать значение политического, а затем и национального символа. Символом революционной Франции становится трехцветная сине-бело-красная кокарда — символом французской монархии белая кокарда. Из Франции идея кокарды, как национального символа, переходит и в другие европейские страны. В Пруссии вводятся черно-белые кокарды, которые даже получают официальное наименование «*nationale*». В Австрии вводятся черно-желтые кокарды. Казалось бы, что и России следовало последовать их примеру, введя у себя кокарды национальных бело-сине-красных цветов. Этого однако не произошло. Возможно, что причиной этого было чрезмерное сходство, которое подобные кокарды получили бы с «крамольными» французскими ко-

кардами. Во всяком случае, при своем воцарении, Император Александр I-й не учредил новых кокард, но сохранил цвета, установленные его отцом. Кокарды эти в начале царствования продолжали иметь вид банта, но позднее, подобно французским кокардам, они приобрели вид круглых розеток из сложенных в рубчики лент, с круглым отверстием в центре. При наложении такой кокарды на черную шляпу получалось впечатление черного центра, окруженного оранжевой, затем черной, затем снова оранжевой полосами — эта расцветка была полностью сохранена в центральной части русской кокарды.

В 1815 году этой кокарде была придана наружная белая, у офицеров серебряная, кайма и русская военная кокарда получила свою окончательную расцветку. Как уже было указано выше, черно-оранжево-белую расцветку получили также генеральские плюмажи, офицерские шарфы, шнуры и пр. — черно-оранжево-белый цвета стали излюбленными цветами русской армии.

В 1844 году, Приказом Военного Министра 2 января № 1, на околыше офицерских фуражек спереди повелено было иметь продолговатую металлическую кокарду тех самых цветов, какие присвоены кокардам офицерских шляп.

Таково происхождение русской кокарды. Она не является, подобно французским и немецким кокардам, национальным символом. Ее цвета не Георгиевские и не «Романовские». До известной степени она образовалась случайно, но это несколько не умаляет ее значения. Русская кокарда сложилась в русской армии. В основу ее легли излюбленные русской армией черно-оранжево-белые цвета. Да, она несколько напоминает и Георгиевскую ленту, и это придает ей еще больше прелести. Созидавшаяся в непрерывных войнах и крещеная боевым огнем, русская кокарда является истинным символом русской армии.

Е. Молло

Гибель 2-го батальона Симферопольского офицерского полка

(Памяти капитана Б. П. Гаттенбергера)

«Прорыв Махно» — под таким заглавием были опубликованы в журнале «Переключка»: две статьи: Г. Саковича и штабс-капитана Мустафина, свидетелей этого прорыва. Сакович пишет: «... Махно, обрушившись своими главными силами на Симферопольский офицерский полк, опрокинул в речку один из батальонов этого полка и... прорвался». Мустафин же, Симферополец, заканчивает свою статью так: «Патроны кончились. Оставшихся в живых конница перерубила. Капитан Гаттенбергер застрелен. Пленных не было ни одного».

При чтении этих статей, у всех, еще живых, симферопольцев невольно встает в память этот, трагический для полка, день 14 сентября 1919 г. на реке Синюхе, принесший не только тяжелые потери полку но, как выяснилось позже, и неблагоприятные последствия для всего Белого Движения на юге России.

Невольно вспомнилась Симферопольцам и светлая личность капитана Гаттенбергера, командира 2-го батальона полка, погибшего в этом бою. Бывшим его подчиненным и соратникам явилась мысль восстановить образ этого незабвенного героя офицера и командира и почтить память не только его, но и всех доблестных соратников-однополчан, погибших вместе с ним в этом бою.

Борис Петрович Гаттенбергер, по окончании в 1911 году Симбирского кадетского корпуса, перешел в Павловское военное училище, которое и окончил старшим портупей-юнкером 6 августа 1913 года, и был выпущен в 13 лейб-гренадерский Эриванский Царя Михаила Феодоровича полк. По отзывам его товарищей и младших юнкеров, Борис Петрович пользовался в училище большой популярностью и общим уважением.

В июле 1914 года, вспыхнула война и 15 августа подпоручик Гаттенбергер, младший офицер 6-й роты, выступил с полком в поход из Манглиса. Об участии Гаттенбергера в боевых действиях полка я писать не буду, отсылая читателя к книгам кап. Попова «Воспоминания кавказского grenадера» и «Лейб-Эриванцы в Великой войне» где, с присущим ему талантом, автор описал боевую работу полка в Великую войну. В этих книгах мы много раз встречаем имя Б. П. Гаттенбергера и узнаем из них что, кроме очередных боевых наград, он был удостоен и Георгиевского оружия. Вот как сообщал «Русский Ивалид» в № 214 от 1915 года о награждении Гаттенбергера: «Награждается Георгиевским оружием 13 лейб-гренадер-

ского Эриванского Царя Михаила Федоровича полка Борис Гаттенбергер за то, что в бою 28-го ноября 1914 года у д. Пржевиче, увидев, что немцы заходят во фланг соседней с ним роты, бросился на них с полуротой в штыки, но, потеряв в этой штыковой атаке почти всех людей, принужден был с другой полуротой пробиваться чрез окружившего его численно превосходящими силами противника, что и выполнил, и присоединился с уцелевшими людьми к своему полку» *).

После развала фронта, когда в 1918 году Крым был занят германскими войсками, капитан Гаттенбергер оказался с семьей в г. Ялте. Здесь осенью 1918 года он начал формировать из офицеров-добровольцев Ялтинскую роту, которая сразу же поступила в распоряжение генерала бар. Де Боде, представителя Добровольческой армии в Крыму. В это же самое время в Симферополе начал формироваться Симферопольский Офицерский полк, послуживший основой 4-й пех. дивизии Добровольческой Армии. В половине декабря капитан Гаттенбергер получил приказание с двумя ротами отправиться в Симферополь и поступить на укомплектование Симферопольского Офицерского полка. В полку мы уже знали о назначении Ялтинских рот к нам и с нетерпением ожидали прибытия их.

Сейчас, спустя более сорока лет, я ясно вспоминаю мою первую встречу с кап. Гаттенбергером, когда он с ротами представлялся в Симферополе командиру полка. Невольно встает передо мною образ молодого офицера невысокого роста с капитанскими гренадерскими погонами, с энергичным лицом, скромного и располагающего к себе. Сам кап. Гаттенбергер и его роты произвели как на командира полка полковника Морилова, так и на всех остальных офицеров полка самое лучшее впечатление. Роты пришли уже сколоченные дисциплиной и хорошим духом. Была видна работа их командира.

Роты кап. Гаттенбергера были зачислены в полк, как 5-я и 6-я, и сам он был назначен командиром 2-го батальона. Пополняясь, отдельные роты несли гарнизонную службу.

В феврале 1919 года большевики стали угрожать Крыму, и 2 марта 2-ой батальон в составе полка был двинут на Перекоп. Вскоре красные перешли к активным действиям, и 22 марта батальон принял деятельное участие в обороне Перекопа. Отступая с полком, батальон кап. Гаттенбергера принял участие 23 марта в бою под Юшунью и далее, отступая на Акманайские

позиции, участвовал в разгроме красных под Н. Цюрихталем 3-го апреля. На Акманайских позициях батальон оборонял левый участок полка. 5-го июня, при переходе в наступление с Акманайских позиций, левая колонна кап. Гаттенбергера быстро сбила красных и, угрожая их флангу, сильно содействовала занятию Владиславовки другими частями полка. Противник отступал. Надеждино (6 июня), Коронки (7 июня), Черкез-Тобай (8-9 июня), Ички (10 июня), Джурин (13 июня) — имена деревень, где роты 2-го батальона вновь отличились при преследовании красных к Перекопу, который был занят полком 16 июня. Простояв в резерве в Армянске до 23 июня, полк перешел в Б. Маячки, причем 1-й батальон занял позиции у Каховки по Днепру, а 2-й батальон оставлен в резерве в Б. Маячках, где батальон пополнялся и формировал 7-ю роту (почти исключительно из немцев-колонистов). Роты были доведены почти до нормального состава.

На 31 июля было назначено общее наступление за Днепр и батальон кап. Гаттенбергера был назначен в состав колонны генерала Ангуладзе, командира полка 13-й пех. дивизии. Еще с вечера 30-го июля 6-я рота была выслана вперед для захвата переправы через р. Ингулец у д. Снегиревки. Рота быстрым маршем на подводах выполнила задачу и после короткого боя к вечеру 31-го заняла переправу.

31-го июля, на рассвете, полк перешел р. Днепр без сопротивления и, преследуя красных, отходивших за р. Ю. Буг, достиг реки 5 августа, занял там позицию и вел короткие бои с красными. 18 августа полк перешел в Вознесенск, который красные оставили без боя. С этого времени вплоть до трагического дня 14 сентября (прорыв Махно и смерть кап. Гаттенбергера) началась борьба полка с войсками Махно.

С 22-го августа в течение трех дней полк вел кровопролитный бой у ст. Помощной. Бой с переменным успехом велся со значительно превосходящими силами противника. Апологет махновского движения, П. Аршинов в своей книге «История Махновского движения (1918-1921 г.)» исчисляет силы Махно к этому времени как четыре бригады пехотных и кавалерийских войск, отд. артиллерийский дивизион и пулеметный полк — всего около 15000 бойцов. Однако, несмотря на превосходство сил, ст. Помощная была взята и удержана, Махно был разбит и отступал на Умань. Полк понес тяжелые потери: 34 убитых и 184 раненых офицеров и солдат только за эти три дня. Генерал Слащев благодарил полк и выражал свое восхищение его действиями. Командир полка за отличие был представлен к производству в генерал-майоры. 30-го августа под д. Новоархархангельск вновь махновцы были разбиты, понеся большие потери.

Махно, однако, не сдавался, и были сведения, что он хочет прорваться на Екатеринославщину. Наше командование предприняло меры к ликвидации Махно, предполагая окружить его в районе г. Умани. Первые операции начались 9 сентября боем полка у Крутенское-Рогово. Полк понес значительные потери. Положение на фронте оставалось очень напряженным в течение последующих дней и, наконец, настал трагический день 14 сентября. Подробности этого боя описаны шт. кап. Мустафиным в «Переключке», и я отношу читателя к этой статье. Здесь же мне хотелось бы остановиться на воспоминаниях Симферопольца 2-го батальона шт. кап. Храмо, касающихся капитана Гаттенбергера в связи с днем 14 сентября.

Шт. кап. Храмо, будучи раненым, встретился в декабре 1919 г. в Одессе с подпор. Климовым, начальником пулеметной команды 2-го батальона, раненым 14 сентября на р. Синюхе. Подпор. Климов рассказывал ему историю своего спасения в тот день. Климов, раненый в ногу с переломом кости и в правый глаз, лежал на поле боя, ожидая своей участи. Отступавшие чины его команды, случайно наткнувшись на него, пытались его забрать и вынести из боя. Он, однако, отклонил их попытки и просил его пристрелить. В это время капитан Гаттенбергер, переправившись верхом через р. Синюху и видя эту картину, подъехал к группе и предложил Климову своего коня. Климов отказался, прося Гаттенбергера уезжать, чтобы не попасть в руки врага. Он готов был сам погибнуть, только бы его любимый командир батальона был спасен. Так был любим и уважаем капитан Гаттенбергер своими подчиненными.

Тот же шт. кап. Храменко, будучи в Феодосии на излечении от раны, читал там в газете «Таврический Голос» статью под заглавием «Как умирают добровольцы», написанную вольноопределяющимся (фамилию он теперь не помнит) из батальона капитана Гаттенбергера, бывшего свидетелем последних моментов жизни своего командира. Будучи ранен и учитывая положение, он притворился убитым. Махновцы его не тронули и, таким образом, он оказался одним из немногих, оставшихся чудом в живых, свидетелем гибели кап. Гаттенбергера. Этот вольноопределяющийся так описывал сцену, свидетелем которой он был. Кавалерия махновцев насадала с трех сторон и, наконец, кап. Гаттенбергер и еще уцелевшая группа бойцов оказалась окруженными со всех сторон. На требования махновцев «сдавайтесь, белобандиты», кап. Гаттенбергер крикнул: «Добровольцы не сдаются», слез с коня, двумя выстрелами из револьвера убил коня и третью пулю пустил себе в лоб.

Так героически погиб наш соратник по Симферопольскому Офицерскому полку капитан Бо-

рис Гаттенбергер. Не сдавшись злему врагу, он пал, показав, таким образом, пример высочайшей доблести офицера. Симбирцы, Павлоны и Эриванцы вместе с Симферопольцами могут гордиться своим однокашником и однополчанином.

Не только высокая доблесть на поле боя отличала капитана Гаттенбергера, но и его личный характер и жизнь в повседневной обстановке были исключительными. Шт. кап. Храмо так вспоминает его: «Капитан Гаттенбергер был всегда спокойный, выдержанный, корректный как в мирной, так и в боевой обстановке, в которой он быстро и легко ориентировался. Никогда не теряя самообладания, он умело руководил боевыми операциями. Он любил и ценил офицера и солдата, с ним можно было говорить прямо и откровенно, он внимательно выслушивал и всегда шел навстречу подчиненным, делая все от него зависящее. Чины батальона обожали своего командира и ценили как незаменимого начальника».

Мне лично часто приходилось по службе сталкиваться с капитаном Гаттенбергером и исключительную сплоченность 2-го батальона, выказавшего под его командой и позже высокую доблесть во всех боях полка, объясняю доступным характером Гаттенбергера, его спокойствием, выдержкой и добрым отношением к своим подчиненным. Вспоминаю, как всегда благожелательно и с большим доверием к нему относился сперва полк. Мориллов, а позже полк. Гвоздаков, наши бывшие командиры полка.

Они уважали его авторитетное мнение. Добрый характер капитана Гаттенбергера вне службы и строгий на службе завоевал доверие и уважение его подчиненных, и он пользовался у них неограниченным доверием и авторитетом. Не раз об этом со мной говорил погибший под Каховкой в октябре 1920 года мой брат Георгий, служивший с марта 1919 года в рядах 6-й роты и принимавший участие во всех боях роты включительно до 9 сентября 1919 г., когда он был ранен.

Заканчивая это повествование, мне, как одному из Симферопольцев, очень приятно не только то, что на мою долю пришлось, хотя и спустя много лет, запечатлеть для будущего память капитана Бориса Гаттенбергера, одного из наших доблестных соратников-однополчан, но и то, что, вспоминая память капитана Гаттенбергера, тем самым вспомнят и отметят память доблестных неизвестных его соратников, погибших с ним за благо Родины в неравном бою на р. Синюхе 14-го сентября 1919 года.

В. Альмендингер

*) Выписка сделана из книги К. Попова: «Храм Славы», Париж, 1931, часть 2-я, стр. 215.

*) В бою 14 сентября полк потерял убитыми 60 офицеров и 88 солдат, ранеными 30 офицеров и 55 солдат. Всего операции против Махно с 22 августа до 14 сентября стоили полку 255 убитых и 317 раненых офицеров и солдат.

О Т И З Д А Т Е Л Ь С Т В А

Сдана в набор очередная книга «Военно-Исторической Библиотеки «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

В. В. АЛЬМЕНДИНГЕР СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК.

Вышла из печати книга № 2 «Военно-Исторической Библиотеки «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Е. С. МОЛЛО — РУССКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ XIX ВЕКА.

Обзор военной печати

А. САМОЙЛО: «Две жизни». Военгиз.
Москва, 1956 г.

Как сказано в этой книге, «Воспоминания» А. А. Самойло рассчитаны на офицеров Советских вооруженных сил. Интересно посмотреть, какая-же «пицца» предназначается для этих офицеров?

А. Самойло был императорский офицер Генерального Штаба, родившийся в 1869 году (генерал Деникин родился в 1872 г.). Я нарочно отмечаю эти даты для предстоящих сравнений. Самойло окончил 3-ю Московскую гимназию в 1890 г. (т. е. 21 года отроду) — генерал Деникин — Ловичское реальное училище в том же году. Генерал Деникин поступил на военное-училищные курсы Киевского юнкерского училища, а Самойло на те-же курсы, но Московского юнкерского училища — оба в 1890 году.

В описании своего пребывания в Московском юнкерском училище, Самойло уже допускает свои первые неверные утверждения: первое — якобы с ним в училище был будущий генерал Корнилов, который частенько выпрашивал у него пирожные. Известно, что генерал Корнилов, по окончании Омского кадетского корпуса, первым вышел в Михайловское артиллерийское училище и не мог, как окончивший кадетский корпус, по тогдашним условиям приема, поступить в юнкерское училище. В дальнейшем, Самойло посвящает генералу Корнилову полторы страницы своей книги. Он пишет, что Корнилов был сын чиновника, что совершенно неверно. Отец Корнилова был казачий офицер. Затем, он пишет что в 1914 году, командуя 48-й пехотной дивизией, Корнилов, под Львовом, потерпел поражение и был взят в плен, откуда бежал при помощи подкупа. Это также неправда. Генерал Корнилов попал в плен раненым 29 апреля 1915 года у Дуклы, в Карпатах, причем в плену отказался дать подписку не делать попыток к побегу. Далее, он пишет, что Корнилов был назначен Командующим 10-й армией Юго-Западного фронта — 10-я армия **никогда** не входила в состав Юго-Западного фронта, а генерал Корнилов ею **никогда** не командовал. Далее, что генерал Корнилов ознаменовал свою деятельность позорным отступлением у Тарнополя в 1917 году. Всякий, непредубежденный человек, мало-мальски знакомый с историей событий на Русском фронте в 1917 году, знает, что позорное даже не отступление, а бегство армии произошло вследствие полного развала фронта, вызванного Приказом № 1.

В дальнейшем описании своего пребывания в училище, Самойло упоминает юнкера Томилова, будущего Начальника Штаба Кавказского фронта — снова неправда — генерал Томилов окончил Первый кадетский корпус и Константиновское военное училище в 1891 году.

Одновременно с Самойло, по его же словам, был в училище Бонч-Бруевич, и Самойло горько сетует, что тот обогнал его по службе, как гвардеец. Не вдаваясь в эти его сетования, напомним для сравнения, что и Корнилов и Деникин произведены в офицеры в один с ним год и, тем не менее, обогнали его по службе, не будучи гвардейцами. Причем генерал Деникин был годом моложе Самойло по окончании Академии, и не был причислен сразу к Генеральному Штабу, из-за известного конфликта с военным министром.

Обратимся к дальнейшим «откровениям» Самойло. В 1901 году, он был назначен старшим адъютантом Штаба 31 пехотной дивизии, где в это время, якобы, отбывал строевой ценз по командованию батальоном бывший старший адъютант Штаба Киевского военного округа полковник Карцев. Снова неправда или ошибка: в период времени 1900-1904 г.г., этот самый полковник Карцев командовал 15 драгунским Александрийским полком в городе Калише, а в 1904 году — отбыл на русско-японскую войну.

Дальнейшая служба Самойло, по его словам, протекала в Штабе Киевского военного округа. Здесь он отмечает начавшееся революционное движение и говорит, что Начальником Охранного Отделения был полковник Кулябко, тяжело раненый революционерами. Снова неверно. Революционерами был ранен на Кулябко, а полковник Спиридович.

В 1907 году, Самойло, якобы, отбыл ценз командования батальоном в 168 пехотном Миргородском полку, которым командовал полковник Ю. Н. Данилов, будущий генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего. Тут снова «ошибка» — генерал Ю. Н. Данилов командовал не Миргородским, а Ровненским полком. Странно как командир батальона мог не знать фамилии своего полкового командира?

Затем, по словам Самойло, он временно командовал гусарским полком, командиром которого был его старый знакомый полковник Рооп, бывший военным агентом в Вене и потом назначенный командиром лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Новая неправда: полковник Рооп командовал Бугским (26 драгунским, потом 9 уланским полком) а никак не гусарским.

Относительно якобы специальной «ненависти», которую питали к русским венгерские войска, из-за подавления восстания 1849 года — пожалуй лучше не распространяться после подавления восстания 1956 года?

Даже во всех известных фактах касающихся войны 1914-17 г.г., Самойло допускает совершенно непонятные ошибки. Он говорит, например, что Турция выступила на стороне Германии 3 августа 1914 года, тогда как, на самом деле, она начала военные действия против России только 16 октября 1914 года бомбардировкой черноморских портов.

Приходила очередь командования полком. (Генерал Деникин откомандовал полком уже до 1914 года). Самойло тянул и медлил, выжидая освобождения 1 лейб-гренадерского Екатеринбургского или 84 пехотного Ширванского полка. В декабре 1916 года его, почему-то, без командования полком, произвели в генералы. В разгар революции, в конце сентября 1917 года, Самойло был назначен в Штаб 10-й армии, где вскоре он стал Начальником Штаба.

Назначенный заменить застрелившегося генерала Скалона в составе мирной делегации, Самойло старается объяснить самоубийство Скалона, обстоятельства которого всем известны, семейными неурядицами. Это производит отталкивающее впечатление.

В виду явной тенденциозности этой книги и найденных в ней в большом количестве «ошибок» — ценность и правдивость этой книги следует поставить под большое сомнение. «Пища» для советских офицеров явно недоброкачественная.

Н. Н. Р.

С. В. ТРЕСКИНА — 50 лет верной службы полковника Л. Н. Трескина. С.А.С.Ш. 1959 г. 64 стр.

Вдова полковника Леонида Николаевича Трескина издала эту небольшую, прекрасно отпечатанную книгу, посвященную памяти своего мужа. В ней можно проследить страдальный путь Божьей Милостью офицера Императорской Гвардии, отдавшего всего себя служению Родине, как в Великую Войну, в рядах славного лейб-гвардии Волынского полка, так и в гражданскую войну, начиная с московского восстания и Ледяного похода. Все знавшие полковника Трескина поражаются труду его супруги, отдавшей заслуженный долг его памяти.

Книга издана очень тщательно с прекрасным портретом полковника Трескина.

А. Л. После этой даты батарея Константиновского

В защиту исторической правды

В «Архиве Русской революции», издававшемся в Берлине И. В. Гессеном, в томе IV 1922 г. была помещена статья А. Синегуба «Защита Зимнего Дворца».

Обсуждение содержания этой статьи, не имеющей большого исторического значения, как очень индивидуальные воспоминания, не входит в мою задачу. Можно было бы и не отзываться на нее вовсе, если бы ее автор, допустив исторические неточности, не написал нижеследующих строк: «и вот, этими своими воспоминаниями, я отдаю на суд истории для нахождения истины и для воздаяния каждому по делам его лицедеяние дня 25 октября».

Повидимому, будучи не в курсе того, что происходило, и плохо разбираясь в наименовании бывших в Зимнем Дворце воинских частей, он и допустил ошибки в предлагаемом им «для суда истории» материале.

Меня интересуют ошибки, допущенные им на стр. 152 6-я строка сверху и на стр. 162 и 163, в отношении присутствия во Дворце взвода Константиновского артиллерийского училища, и на стр. 168 то-же самое, в отношении Павловского военного училища.

Ни одного из этих училищ в Зимнем Дворце 25 октября — не было.

В конце 1916 г., я был вызван с фронта и назначен строевым офицером Константиновского артиллерийского училища, где и был до 25 октября 1917 г., и происходившие в Петрограде события протекали перед моими глазами, а иногда и при моем непосредственном участии.

Так, после восстания большевиков 3-5 июля, Временное Правительство потребовало для охраны своей резиденции — Зимнего Дворца, артиллерию. Эта повинность легла на два артиллерийских училища — Михайловское и Константиновское. Для этого, в училищах, по очереди, формировались сводные батареи из 4-х орудий при трех офицерах. Эти батареи пребывали во дворе Зимнего Дворца по три дня, как сказано, по очереди от училищ. В дни Корниловского похода на Петроград очередь охраны Зимнего Дворца пала на Константиновское артиллерийское училище, и сводная его батарея вступила в караул 26 августа в 12 ч. дня. Описание подробностей пребывания батареи в стенах Дворца к вопросу не относится. Словом, обстановка сложилась так, что не через три дня, а в тот же день 26 августа, после 10 ч. вечера, батарея была сменена матросами с крейсера «Аврора», как «несоответствующая духу времени», с распоряжением вернуться в училище.

артиллерийского училища, для охраны Зимнего Дворца, больше **не приглашалась**, и все описанное г. А. Синегубом, на указанных страницах его статьи, касательно пребывания нашей батареи в Зимнем Дворце 25 октября, **не соответствует истине**.

В других источниках и в капитальном историческом труде Мельгунова «Как большевики захватили власть» на стр. 119 указано: «... едва ли не самым ярким эпизодом в этом отношении был уход артиллерии — он на многих произвел удручающее впечатление. Около 6-ти часов вечера юнкера Михайловского артиллерийского училища, по приказу Начальника училища, покинули Зимний Дворец».

Этим словами С. П. Мельгунова и восстанавливается «историческая правда», подтверждая сказанное мною. Батареи Константиновского артиллерийского училища 25 октября 1917 г. в Зимнем Дворце **не было**, и подобные неточности должны быть отмечены.

Б. Николаев,
строевой офицер Константиновского
артиллерийского училища.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 54 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» в статье П. Басен-Шпиллера — «Еще о Каушенском бое» необходимо исправить несколько опечаток и пропусков на стр. 16 в строке 10-й снизу пропущено «7/20 августа»; на той же стр. в строке 14-й не нужно слово «однако».

ОТ РЕДАКЦИИ

В напечатанную в № 55 статью В. Кочубея «Из воспоминаний об одной дальней разведке», вкрались следующие опечатки:

1) В самом начале — «В конце января 1915 года а не 1916».

2) Следующий абзац: «частичное наступление IX XXI А. К.» а не «НА XXI корпус».

3) Стр. 41-я строка 23-я снизу между «несколько» и «верст» пропущено «десятков».

4) Стр. 41-я правая колонка, строка 10-я сверху не «организму», а «организатору».

Принося свои извинения автору, редакция просит читателей исправить эти опечатки.

Хроника «Военной Были»

ИКОНА 1812 ГОДА.

В Екатеринославском музее находилась икона с такой надписью: «Сія икона Пресвятыя Богородицы взята изъ города Москвы французскими войсками, а въ побѣдѣ ихъ изъ Россіи, въ сраженіи при рѣчкѣ Березовкѣ, близъ города Борисова, въ деревнѣ Брылѣ прошлаго 1812 года ноября сыскана въ отъ битомъ отъ оныхъ обозѣ между бумагами порутчикомъ именемъ Кисловскимъ и подарена тогда жъ г. генералъ-маіору Семену Гангеблову, которая и посвящена села его Богодаровки въ церквѣ С-я Троицы ноября 1813 г. Иерей Василей Деонисіевъ».

Извлек **Н. Л. Пашенный**

СТОЛЕТИЕ

«КРОНШТАДТСКОГО ВЕСТНИКА»

В 1961 году исполнилось столетие первого печатного органа в Кронштадте, газеты «Кронштадский Вестник», основанной лейтенантами Н. А. Рыкачевым, П. П. Новосильским и Н. И. Тимиревым. Газета выходила до 1 августа

1862 г. два раза в неделю, до 8 ноября 1909 г. — трижды, а с ноября 1909 г. — ежедневно.

С 1 февраля 1896 г. в Кронштадте стала издаваться ежедневная газета «Котлин». В первой передовой статье ее говорилось: «Мы считаем необходимым познакомить общество как с причинами ее возникновения, так и с задачами, которые она преследует. В настоящее время, когда борьба между броней и артиллерией видоизменила даже самые основы военного судостроения и боевое вооружение флотов, еще не дав установившихся типов, когда последние военно-морские события настоятельно выдвигают на первый план вопросы по морской тактике и стратегии и когда электричество завоевывает все более и более места на наших судах, в такое, повторяем, время, — необходимость в ежедневном морском органе очевидна».

В обеих газетах помещались все приказы и распоряжения по Морскому Ведомству и Главному Управлению Торгового Мореплавания. Обе газеты получали небольшие субсидии от Морского Министерства.

Бюллетень Кают-Компании в Нью-Йорке
№ 1/97

Морской Библиотеки

10 августа 1832 г. была основана в Кронштадте «Флотская Библиотека». Инициатива принадлежала кап. лейтен. Илл. Ник. Скрыдлову, предложившему своим товарищам, офицерам флота, уделять 1% жалования на создание и поддержание общественной библиотеки. Особенно охотно откликнулся вице-адмирал Ф. Ф. Беллинсгаузен, назначенный в тот год Главным Командиром Кронштадтского порта. От порта библиотека получила четыре комнаты в доме Миниха, где помещался Штаб порта. В 1858 г. библиотека была переведена в помещение Морского Собрания, получивши там семь комнат. Самые крупные пожертвования были сделаны адмиралом К. Н. Посьетом.

7 ноября 1860 г. состоялся Высочайший Приказ о вычете из жалования 1% на содержание библиотеки со всех офицерских чинов Балтийского флота. За годы до Первой Мировой войны бюджет библиотеки был около 15 тысяч рублей в год. К 1 января 1913 г. книжные богатства библиотеки состояли из 67.291 сочинений в 110.245 томах, не считая очень большого количества сброшюрованных газет.

В 1873 г., когда теснота сильно тормозила развитие библиотеки, Князь Константин Николаевич уступил ей свои комнаты, во втором этаже Морского Собрания.

Бюллетень Кают-Компании в Нью-Йорке
№ 1/97

Сергей Петрович Писаревский родился в 1848 г. В войну 1877-78 г.г., в чине лейтенанта, он плавал на пароходе «Константин», под командой Степана Осиповича Макарова.

Турецкий броненосец «Аскари Шевкет» крейсировал у берегов Кавказа и мешал продвижению нашего Отряда войск, под командованием ген. Шелковникова. В ночь с 11 на 12 августа 1877 г., лейтенант Писаревский, на маленьком паровом катере, был послан на розыски «Аскари-Шевкета». Завидев броненосец, он подошел на минимальную дистанцию. На оклик часового ответил по-турецки а затем, в ручную, бросил мину и взорвал броненосец.

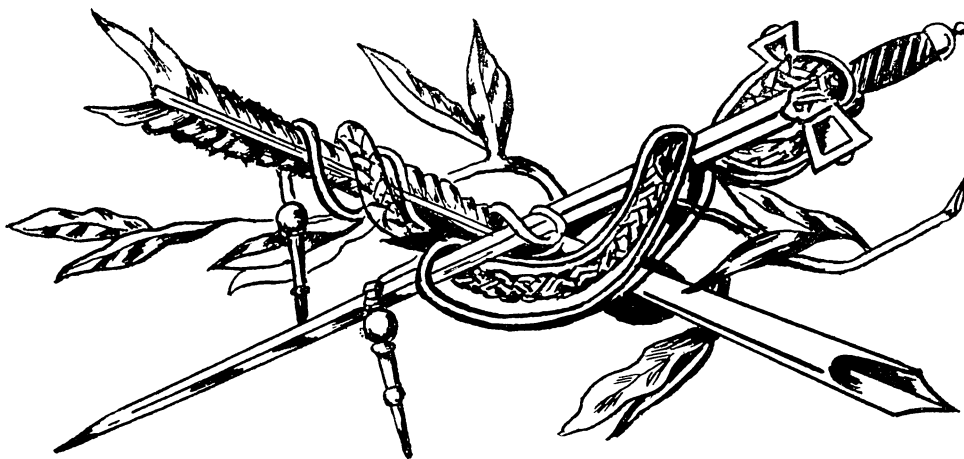
Уходя от места атаки, Писаревский был настигнут турецким катером, который взял его на abordаж. Дрались, чем придется, крюками и веслами. Одним крюком, Писаревский был захвачен за воротник, и турки принялись бить его веслами. Находившийся рядом русский матрос не растерялся и, выхватив из кармана пакет махорки, бросил его по ветру турку в глаза. Тот обалдел, выпустил крюк, и Писаревский был спасен.

Около пяти утра катер нашел «Константина» и был встречен криками «ура». Поднявшись на корабль, Писаревский потерял сознание от контузий и ран на голове.

В госпитале в Николаеве, Император Александр II навещил его и, сняв со своей груди Георгиевский Крест, приколол на больничную рубашку Писаревского.

Вице-адмирал Писаревский был мой крестный отец.

Гавриил Судковский

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение)

- ФАБРИЦКИЙ С. С.** контр-адмирал — Из прошлого изд. Берлин 1936 г. 162 стр.
- ФИЛИМОНОВ Б. Б.** поручик — На путях к Уралу Поход степных полков летом 1913 года. Карты и схемы вычерчены прапорщиком И. П. Носковым. Заставки работы подпор. М. П. Чоглокова. Издание Т. С. Филимоновой, Шанхай 1934 г. 154 стр.
- «ФИНЛЯНДСКИЕ ДРАГУНЫ»** Воспоминания. Авторы: ротм. Хороманский, ротм. Бунаков, полк. Щербань, шт. ротм. Голубев, полк. Баннер-Фогт, полк. Рожин, полк. Кайзер, ротм. Великосельский, стр. писарь Бабаев и З. Бутлерова. 405 стр. в обл. полкового цвета. Сан-Франциско 1959 г. цена 4 амер. долл.
- «ФЛАГ АДМИРАЛА»** — Сборник рассказов; авторы: А. А. Гефтер, А. П. Лукин, Б. Л. Седергольм и С. С. Политовский, изд. Рига 1930 г. 240 стр.
- ХАН-ХАДЖЕЕВ** — Великий Бояр. Жизнь ген. Корнилова, посвящается Юрику Корнилову. Белград 1929 г. изд. М. А. Суворина 397 стр. с портр. Корнилова.
- ХАРТЛИНГ К. Н.** — На страже родины. События во Владивостоке в конце 1919 и начале 1920 года. Книга редактирована Б. Б. Филимоновым. Карты и схемы И. П. Попова изд. Т. С. Филимоновой, Шанхай 1935 г. 164 стр. с фот.
- ХОДНЕВ Д. Д.** полков. — Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войнах. Изд. Париж 1932 г. 48 стр.
- ХОЛЬМСЕН** ген. лейтен. — Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж 1935 г. 314 стр. 10 схем и 1 кроки.
- ХОЛЬМСТЕН - СМЫСЛОВСКИЙ** генерал — Избранные статьи и речи. Изд. Буэнос-Айрес 1953 г. 224 стр.
- ЦИВИНСКИЙ Г. Ф.** вице-адмирал — 50 лет в Императорском флоте. Изд. Рига 1929 г., 371 стр. и 3 стр. фотографий.
- ЧЕРНОМОР** (кап. 2 ранга К. Г. Люби). — Волны Балтики. Изд. Рига 1939 г. 316 стр. боль. форм. Русская Морская Зарубежная Библиотека № 58.
- ЧЕСЛАВСКИЙ В. В.** — 67 боев 10 гусар. Ингерманландского полка в Мировую войну 1914-1917 гг. Изд. Чикаго 1937 г. 396 стр.
- «ЧУГУЕВЦЫ»** — исторически-бытовой сборник Объединения Чугуевского военного училища. Вып. I Белград 1936 г. 200 стр. на ротаторе со мн. фотограф. вып. II Новый Сад 1939 г. 164 стр. типографс. со мно. фотогр.
- «ОБЪЕДИНЕНИЕ БЫВШИХ ЮНКЕРОВ ЧУГУЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА»** за время от 26 ноября 1921 г. по 26 ноября 1931 г. Брошюра в 23 стр.
- «ШАБЛИЕВКА»** 25 декабря 1933 г. Париж, изд. Марковцы, 21 стр. Эпизоды из жизни ген. С. Л. Маркова (на рот.).
- ШИК, Александр Адольфович** — Денис Давыдов. Любовник брани. Париж 1952 г. 326 стр.
- «ШИРВИНТ»** — Лейб-Драгуны дома и на войне в четырех книгах:
Вып. I — I/VIII 928 г. 134 стр.
Вып. II — I/VIII 929 г. 136 стр.
Вып. III — I/VIII 930 г. 142 стр.
Вып. IV — I/VIII 931 г. 141 стр.
- ШМИДТ-ОЧАКОВСКИЙ** — Лейтенант Шмидт (Красный адмирал). Воспоминания сына. Прага 926 г. 298 стр.
- ШМИДТ В. П.** кап. 1 ранга — Адмирал С. О. Макаров Рус. Морск. Заруб. Библ. № 31, Нью-Йорк 934 г. 32 стр. со многими иллюстр. Издание сына адмирала В. С. Макарова.
- ШТЕЙФОН**, генерал-майор — Кризис добровольчества. Белград 928 г. 131 стр. Склад издания газета «Новое Время».
- Национальная военная доктрина. Профессор генерал Байов и его творчество. Таллин 937 г. 227 стр.
- ШТУБЕНДОРФ А. О.** генерал — Памяти ген. лейтен. Алексея Константиновича Байова. Таллин 935 г. Доклад, прочитанный 2 июня 1935 г. Издание «Об-ва помощи быв. русским военнослужащим в Эстонии». 16 стр. с портретом.
- ШУБЕРСКИЙ** генерал и **СЕВРИН** полковник. — Тактика пехоты. Под общей редак. ген. Шуберского. Издание русского военно-научного института и военных секций Национально-Трудового Союза Нового Поколения. Белград 939 г. 72 стр.
- ЩЕРБИНА Ф. А.** — Казачьи герои и сподвижники. — Издание Об-ва изучения казачества и Союза кубанских писателей и журналистов. Прага 930 г. 32 стр. с одной фотогр.
- ЯКОВИ, Николай** — Марна. Трагическое крушение германского наступления на Париж

в августе-сентябре 1914 года. Рига 938 г. Изд. «Для всех». 375 стр. боль. форм. с иллюстр.

ЯНКОВСКИЙ Е. Л. гвардии полковник — Александровец. Воспоминания старшего портупей-юнкера 1905-1907 гг. Чикаго, 957 стр. на пишущей машинке в художеств. обложке. НЕ ИЗДАНА.

— Дочь лейб-гвардии Кексгольмского полка. Мария Кексгольмская, V и 52 стр. на пишущей машинке в художеств. обложке работы Л. Е. Янковского. Чикаго 1952 г. НЕ ИЗДАНА.

ЯХОНТОВ В. А. — Русское офицерство в связи с развитием русской общественности. Брошюра в 19 стр. Доклад, прочитанный 19 сентября 1918 г. в Международной Лиге возрождения России в Нью-Йорке. Кн-во «Народоправство» Нью-Йорк.

«АВИАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ». Изд. об-ва офицеров Российского Воздушного Флота в королевстве С.Х.С. Новый Сад 1923 г. № 1.

АГАПЕЕВ В. П. ген.-лейтен. — Первый кадетский корпус. Исторический очерк. Август 1921 г. Белград, 16 стр.

АДАМОВИЧ, Борис Викторович ген. — **Опись музея.** 4-ая кадетская памятка 1-го Русского Вел. Князя Константина Константиновича кадет. корпуса. Белая Церковь 1933 г. 210 стр.

ВЕЛ. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, вице-армирал — Воспоминания. В трех частях. Изд. «Иллюстр. Россия».

«АЛЕКСАНДРОВЕЦ» — Ежемесячный листок издавав. ген. Курбатовым в Варне, Болгария. № 1 январь 1928 г. последний номер 55 июль 1932 г. Возобновлен в Париже полковником Свистун-Ждановичем в 1950 г. Вышел только один номер.

А. АНТОНОВ — Первый кадетский корпус. Составлено по памяти. Исторический очерк. Август 1921 г. Галиполи. 24 стр. печатница Янакиева.

АПРЕЛЕВ Б. П. старший лейтенант. — На «Варяге», изд. Шанхай 934 г. 316 стр. со мн. фотогрф и рис. С. А. Четверикова.

«АРМИЯ И ФЛОТ» — ежемесячный военный и военно-морской журнал, посвященный вопросам военного и морского искусства, технике, организации, истории и Красной Армии. Редактор полковник Е. В. Кравченко. Помощник редак. лейтен. И. И. Стеблин-Каменский. Секретарь поручик Г. М. Кузнецов. № 1 вышел в январе 1938 г. Вышло семь или девять номеров. Последний в декабре 1939 года.

«АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ЖУРНАЛ» — орган Об-ва Русских офицеров артиллеристов. Париж 927 г. Редактор-издатель А. А. Ан-

дреев, секретарь редакции А. С. Олехнович. Десять номеров журнала было издано литографским путем Любичевым и 12 номеров типографским. Четвертый год издания был начат с № 12 под ред. полк. Андреева типографс. спос. в тип. 32, рю Менильмонтан, Париж.

«АТАМАНЕЦ» рукописный журнал юнкеров Атаманского Военного Училища. Остров Лемнос. 1920-1921 гг.

«АТАМАНСКИЙ ВЕСТНИК» — Орган Донского Атамана и обще-казачий журнал. Редактирует Редколлегия, Париж 938 г.

БАЙДАК А. А. полков. — Участие Белгородских улан в гражданской войне. (1917-1920). Изд. шт. ротм. 12 уланского Белгородского полка И. Л. Сарнавского. Белгард 1931 г. 45 стр.

БАЙКОВ Н. А. полковник — По белу свету. Военные и эмигрант. рассказы. Изд. Зайцева. Харбин. 937 г. 180 стр.

«БАРАБАН» — Рукописный журнал юнкеров Кубанского военного училища. Остров Лемнос 1920-1921 гг.

БЕЛАВЕНЕЦ И. М. кор. гард. Выпуск Морского Училища 1920 года. а) 20 лет спустя — 14 стр. б) 30 лет спустя с 4 дополнен. и алфавит. указат. 332 стр. Нью-Йорк 1954 г. в) 37 лет спустя. Нью-Йорк 1957 г. 264 стр. г) 38 лет спустя — 30 стр. д) 40 лет спустя с дополн. 109 стр. Нью-Йорк 1960 г. Морская зарубеж. Библи. № 75.

БЕЛОГОРСКИЙ (Н. В. Шинкаренко) — Тринадцать щепок крушения, книга военных новелл. 264 стр. кн-во «Медный Всадник» в Берлине, изд. 929 г. В книге 13 рассказов, вышедших из войны.

«БОЕЦ Р.О.А.» — орган Российской Освободительной Армии ген. Власова. Берлин 1944 год.

П. БРЮНЕЛЛИ — Душа армии. Философские и психологические основы побед Великой Русской Суворовской армии, в войну 1939-1945 гг. с Германией. К трехсотлетию Бутырского 13 лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. 1642-1952. Издание Исторического Кружка памяти Свиты Е. В. генерал-майора З. А. Мдивани. «Эриванская Летопись». Женева 1946 г. 64 стр.

И. Ф. БЫКАДОРОВ — Донское войско в борьбе за выход в море. 1546-1646 гг. ч. I — Взятие Донскими казаками Азова 1637 г. ч. II — Азовское сидение 1641 г. изд. А. Е. Алимов, Париж 1937 г. 120 стр. Цена 25 фр.

(Продолжение следует)

Алексей Геринг

Принимается подписка на 1963 год на ежемесячную военно-национальную газету

« ВЕСТНИК »

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Геринга

Тринадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16 а также у всех преставителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год: 7 нов. фр. в странах заокеанских — 2 дол. 40 ц.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3310 - 12 Париж

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого, 410, Riverside Drive Ap. 103 A. New-York 25. б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, в) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buénos - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8e.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам №1/2(56) т. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию:

В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville, St. Germain en Laye (S. et O.)

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

« LE MAGASIN DU LIVRE »

10, rue des Carmes, Paris 5me

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИНИМАЕТ ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

- История лейб-гвардии Конного полка — 300 нов. фр.
К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 25 нов. фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера — 20 нов. фр.
М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза — 15 нов. фр.
Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных 16 нов. фр.
Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания морского офицера — 15 нов. фр.
Генерал-майор А. И. СПИРИДОВИЧ — Великая война и февральская революция, в 3-х томах — 90 нов. фр.
ЕВГЕНИЙ МОЛЛО — Русское холодное оружие XX века — 2 н. фр.
Г. И. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.
И. А. ПОЛЯКОВ — Донские казаки в борьбе с большевизмом — 22 н. фр. 50 с.
П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия гражданской войны — 6 нов. фр.
ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 нов. фр.
БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане — 8 нов. фр. 50 сант.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том II — 11 нов. фр. 50 сант.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

В. В. Звегинцов

Хронология Русской армии 1700-1917 часть II

Хронологические указатели всех пехотных, кавалерийских и казачьих частей, в порядке основания их, с названиями которые часть, последовательно, носила и ее судьбой.

Тетрадь 25 x 32 сантим. 174 стр. на ротаторе. Цена с пересылкой — 42 нов. фр. или 8 ам. дол. 50 ц.

Имеется еще некоторое количество экземпляров части I — формирование, переименование и расформирование всех частей Русской Армии, расположенные по царствованиям и родам оружия. Тетрадь 25 x 32 сантим. 240 стр. та-же цена.

Формы Русской армии 1914 г. тетрадь — 132 стр. текста и 120 таблиц для раскрашивания. Цена тетради и таблиц — 110 нов. фр. или 23 америк. дол.